В. Залежский

Анархисты в России

Молодая гвардия 1930

ЕН1231 р
3364

В. ЗАЛЕЖСКИЙ

Библиотека ВЛКСМ

АНАРХИСТЫ В РОССИИ

★

1930
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

К
3—23
Анархизм
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009
ЕН1231 р
3364 р

673 166598 у
1930

7-я

типография Мосполиграфа
ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ
Москва, Филипповский, 13.

Главлит № А—71.023.
З. Т. 804. Тираж 5.100

СтАт Б 6 — 125×176 мм. 2½ п. л.

1. АНАРХИЗМ И КОММУНИЗМ

(Программные положения анархизма)

Анархизм происходит от греческого слова «анархия», что значит «безначалие». Под именем анархизма разумеют такое учение, которое на первый план выдвигает отдельную личность человека и ее интересы, которое считает, что всякие общественные обязательства, всякие требования со стороны общества стесняют и угнетают личность. Поэтому анархисты отрицают не только государственную власть с ее законами, но всякую власть, в частности власть большинства над меньшинством, так как власть большинства заставляет личность приспособляться к решению большинства.

Единого учения анархизма не существует — имеется ряд отдельных анархических, более или менее подробно разработанных систем, связанных с тем или другим отдельным теоретиком анархизма. Однако вышеуказанные взгляды общи всем течениям анархизма.

Все анархические учения можно разделить на две большие группы — анархизм *индивидуалистический* и анархизм *коммунистический.* Главным теоретиком индивидуалистического анархизма является немецкий мыслитель К. Шмидт (1806-1856 гг.), который писал под псевдонимом М. Штирнер. Основное произведение М. Штирнера «Единственный и его собственность» развивает основы индивидуалистического анархизма. Высшим законом для человека, учит

Штирнер, является его собственная воля, его собственное желание. Существует только отдельный человек, а потому высшим законом для него и является его личное благо: «Я произвожу, — пишет он, — все права и все полномочия от самого себя, ибо я имею право на все то, на что я способен... если только я могу что сделать». В другом месте Штирнер прямо говорит, что «для меня нет ничего выше меня». Однако и Штирнер не мог не считаться с тем, что отдельный человек вне общества жить не может. Но, ведь, общежитие не может не накладывать на каждого из своих членов определенных обязательств к другим членам и к обществу в целом. Как же это примирить с основной идеей Штирнера? Штирнер решает этот вопрос, выдвигая идею «союза эгоистов»: «Если ближний мой может быть полезен мне, я сговариваюсь и соединяюсь с ним для того, чтобы соглашением увеличить мою силу, чтобы нашей соединенной мощью достигнуть большего, чем каждый в одиночку. Но в этом союзе я вижу только увеличение своих сил и сохраняю его пока он их умножает».

Если отдельные элементы анархических взглядов встречались еще в древней Греции, то первая анархическая система принадлежит английскому писателю конца XVIII века, Вильяму Годвину. В своей книге «Исследование о политической справедливости», вышедшей в самый разгар французской революции в 1793 году, он развивает ту мысль, что каждое государство есть большая или меньшая степень тирании, которая угнетает личность и связывает ее волю цепью законов. Надо уничтожить государство, и тогда люди сами собой сумеют восстановить справедливый порядок, основанный на полной взаимной свободе. Он против общественной организации производства, он высказывается за небольшие, добровольно сложившиеся производственные коммуны, которые должны по возможности собственными силами удовлетворять все свои потребности.

Годвин не называл себя анархистом, хотя его система взглядов, несомненно, анархическая. Первым, кто назвал

свое учение анархизмом, был П. Ж. Прудон (1809—1863). Поэтому Прудона обыкновенно и считают «отцом анархии». Прудон также видит все зло в государстве, в государстве он видит пример несправедливого союза людей, противоречащего вечным законам справедливости. Гарантией осуществления в человеческом обществе справедливости является свободный договор людей между собою на почве обмена взаимными услугами. И Прудон развивает эту теорию, известную под именем «мутуализма» (теория взаимных услуг). Люди вступают в свободный взаимный договор. Никаких законов и никакой власти при этом не нужно будет, так как все будут добровольно выполнять условия заключенного договора. «Когда я,— пишет он,— договариваюсь о каком-либо предмете с одним или многими из своих сограждан, ясно, что в этом случае единственным законом для меня является моя воля. Выполняя взятые на себя обязательства, я сам для себя—правительство». Прудон не против собственности: «То, чего я ищу с 1840 года, определяя понятие собственности,—пишет он,—то, чего я хочу теперь, — это не разрушение. Я повторял это не раз, иначе я, вместе с Руссо, Платоном, с самим Луи-Бланом и всеми противниками собственности, впал бы в коммунизм, против которого решительно восстаю; чего я требую для собственности — это равновесия, т. е. справедливости». Из этого ясно, что Прудон отрицал собственность в ее крупнокапиталистической форме и признавал мелкобуржуазную собственность. При проведении в жизнь системы взаимности («мутуальности»), по мнению Прудона, каждый будет собственником. С целью равномерного распределения собственности Прудон выдвигает проект организации Общества «Народного Банка», которое ставит своей целью доставление дарового кредита своим членам и организацию обмена. Участники «Народного Банка» взаимно обязуются работать друг на друга, покупая и продавая друг другу. Обмен будет совершаться без денег посредством квитанций. При помощи этого банка и осуществится реорганиз-

зация общества на началах анархии. И он верил, что при сохранении частной хозяйственной инициативы сохранятся и равенство, и свобода этих мелких хозяйчиков.

Вторым ярким сторонником индивидуалистического анархизма является немецкий же мыслитель Фридрих Ницше (1844—1900 гг.). Если пе Штирнеру «все позволено» каждому человеку, то по Ницше право на такой эгоизм имеют только избранные натуры, которых он называет «сверхчеловеками». Анархизм Ницше приводит к своеволию немногих более сильных. К массе Ницше относится с самым нескрываемым презрением. Ницше, как и Штирнера, вопрос об организации трудящихся и угнетенных для борьбы со своими эксплоататорами и существующим порядком вещей совсем не интересует.

Индивидуалистический анархизм является учением эгоистически настроенных интеллигентов, которые выше всего ставят себя. Вполне понятно, что индивидуалистический анархизм не мог увлечь за собой хотя бы части трудящихся, он не пользуется никаким влиянием и не играет никакой роли в общественных движениях. К идее коммунистического общества он или равнодушен, как у Штирнера, или относится к нему определенно отрицательно, как, например, у Ницше.

Гораздо большее значение в борьбе трудящихся против капитализма имеет так называемый коммунистический анархизм. Теоретическое обоснование коммунистическому анархизму дали русские теоретики анархизма М. А. Бакунин (1814—1876 гг.) и П. А. Кропоткин (1842—1921 гг.). Они сделали попытку не только развить теоретические основы коммунистического анархизма, но и создать целое анархистское движение среди трудящихся. Большой разницы между учением Бакунина и Кропоткина нет — сам Кропоткин считает себя учеником Бакунина. Однако если Бакунин сосредоточивает главное свое внимание на вопросах разрушения капиталистического общества, мало интересуясь вопросом о положительном строительстве новой жизни,

говоря что для этого «придут другие», то Кропоткин, наоборот, очень много внимания уделял вопросам строительства нового анархического общества.

Особое место среди анархических систем занимает «христианский» анархизм Льва Толстого. Целью жизни, по учению Толстого, является для каждого человека стремление достичь «царства божия», но оно находится не вне человека, а внутри его, в «душе» каждого человека. Надо следовать заветам христа — «любить друг друга», и тогда совместная жизнь людей, сама собой будет основана на справедливости. Всякое внешнее принуждение — есть зло. В частности «всякое правительство . . . есть ужасное, самое опасное в мире учреждение . . . Для избавления людей от тех страшных бедствий, вооружения и войн, которые они терпят теперь, нужно . . . уничтожение того оружия насилия, которое называется правительствами».

Однако бороться с современным злом, и в частности с государством, насилием нельзя. Христос учил «не противиться никому силой, т. е. не совершать никогда такого поступка, который противоречил бы любви».

Одной из разновидностей анархизма, которая пытается связать дело борьбы с анархический строй с борьбой масс, является так называемый анархо-синдикализм. Наибольшее распространение идеи анархо-синдикализма получили во Франции и Италии. Важнейшими теоретиками анархо-синдикализма являются Пуже, Ла-Гардель, Ж. Сорель.

Анархо-синдикализм является реакцией со стороны революционно-настроенных, но недостаточно сознательных в смысле усвоения классовой идеологии пролетариата рабочих масс, против оппортунизма и соглашательской деятельности социалистических партий II Интернационала. Наблюдая «борьбу» соглашательских социалистических партий в современных западно-европейских парламентах, анархо-синдикалисты пришли к выводу, что вообще социалистические партии с их парламентской деятельностью и стремлением к политической власти не могут повести

пролетариат к победе, к борьбе за социализм. Стремление этих партий к политиканству привлекает в их ряды выходцев из буржуазной интеллигенции, которые и становятся во главе политических партий. А при этих условиях рабочий класс победить не может. Рабочие должны об'единяться в чисто классовые организации, а таковыми могут явиться только профсоюзы (синдикаты), так как они об'единяют только рабочих и об'единяют на единственно прочной почве их профессиональных, производственных интересов. Такая производственная организация является не только наилучшей организацией борьбы против капиталистического строя, она является также и естественной ячейкой будущего общества. «Производственная группа или синдикат,—пишет теоретик анархо-синдикализма Эмиль Пуже в своей книге «Основы синдикализма»,—должна стать основной ячейкой будущего общества. Невозможно совершить преобразование социального строя на других основаниях. Необходимо поэтому, чтобы производители заранее готовились к завладению производством и организации его на новых основах. Мы хотим произвести социальную революцию, а не политическую. Для этого необходимо об'единение всего рабочего класса на экономической почве. Всякое политическое средство для этой цели непригодно».

Отрицая необходимость для пролетариата политической партии, отрицая политическую борьбу рабочего класса, анархо-синдикализм признает одну тактику борьбы, т. н. прямое действие рабочих масс на капиталистов и государство. Таким прямым действием масс являются: бойкот, саботаж, демонстрации и, наконец, всеобщая стачка. Путем всеобщей стачки рабочие синдикаты сумеют экспроприировать у капиталистов средства производства и разрушить государство. В случае побед революции рабочий класс не будет совершенно нуждаться в государстве даже как в органе пролетарской диктатуры. «Централизованное государство должно неизбежно умереть уже на другой день после социальной революции». «Жизнь сосредоточится

в синдикальных федерациях, которые и будут руководить производством и распределением продуктов. Вместо централизованного политического государства господствующей формой будущего общества будет экономический федерализм и децентрализация». Таким образом, победа пролетарской революции выразится в том, что профессиональные союзы захватят отдельные отрасли производства и осуществят «синдикальный социализм» [1]. Будущее общество они представляют как федерации синдикатов одного производства и добровольное об'единение их во всеобщую конфедерацию синдикатов, они отрицают необходимость диктатуры пролетариата в переходный период, отрицают централизованное производство и пролетарскую дисциплину.

Поскольку коммунистический анархизм обращается к массам и пытается связать себя с революционной борьбой масс, он играл известную роль в русских революциях как 1905 г., так и 1917 г. На нем мы и остановим свое внимание.

Анархисты любят утверждать, что они являются единственными из всех революционеров, борющихся против капитализма, которые отстаивают такой общественный строй в будущем, при котором все люди освободятся от всякого насилия и эксплоатации, при котором личность будет совершенно свободна.

Анархисты считают, что коренные разногласия между ними и сторонниками учения Маркса-Энгельса-Ленина заключаются в том, что анархисты — непримиримые враги всякой власти над человеком, а социалисты хотят создать «государство будущего», т. е. общество, подчиненное единой государственной власти. Поэтому свое будущее анархическое общество они называют иногда свободным или «либертерным» социализмом, а учение сторонников Маркса и Ленина — государственным или «авторитарным» социализмом.

---

[1] Ср. (ниже) взгляды «рабочей оппозиции», гл. 8, стр. 59 и далее.

«Наши стремления,—пишут анархисты-коммунисты в начале 900-х годов в своем журнале «Хлеб и Воля», — двоякого рода. Мы стремимся к уничтожению частной собственности и к передаче всего необходимого для производства (земли, орудий труда и всех богатств, накопленных человечеством) в руки самого народа; в этом мы сходимся с другими социалистами. Но в то же время мы стремимся к уничтожению государства, и в этом мы с ними расходимся... Уничтожение частной собственности даст нам экономическое благосостояние, уничтожение государства — свободу личности».

При анархическом строе прежде всего не будет места крупному централизованному производству. Революция, поднятая анархистами, по мнению Кропоткина, вызовет прежде всего полную переорганизацию всего промышленно-технического строя, созданного развитием капитализма. Капитализм со своим крупным производством и разделением труда не только между различными областями данного государства, но различными странами мира привел к тому, что сейчас не существует уже отдельных, изолированных друг от друга хозяйств. Все они связаны между собой обменом и представляют одно целое. Кризис одной какой-нибудь отрасли хозяйства или кризис в одной капиталистической стране отражается, благодаря существующей зависимости между всеми частями мирового хозяйства, на других отраслях и на других странах. Ничего этого в будущем анархическом обществе не будет.

Революция, учат анархисты, вызовет разрыв промышленной связи не только между отдельными государствами, но и между отдельными местностями. Это и вызовет полную реорганизацию производства. На место централизованного производства будут совершенно свободно создаваться производственные коммуны, захватывающие все средства производства данного района. Каждый член такой коммуны в любое время может выйти из нее, войти в другую или, подобрав себе товарищей, организовать новую.

Итак, анархический строй — это ряд совершенно самостоятельных, добровольно сложившихся общин. Членов этих общин ничто не связывает между собой, кроме добровольного желания жить и работать вместе. Представим себе, говорит Кропоткин, что первоначально анархическая революция победила в Париже и его окрестностях. До сих пор Париж живет почти исключительно на средства, получаемые от продажи тех предметов роскоши, которые он готовит для богачей всего мира. Отрезанный наступлением революции от своих покупателей, он будет вынужден подумать о прокормлении себя своими собственными средствами. Он это сумеет сделать легко. Анархическая коммуна, образованная в районе департаментов Сены и Уазы, т. е. провинций, прилегающих к Парижу, быстро наладит интенсивные методы сельского хозяйства и поднимет производство пищевых продуктов настолько высоко, что будет в состоянии прокормить все живущее на этой территории население, включая сюда и жителей Парижа. Все руки, свободные от земледельческих работ, займутся обрабатывающей промышленностью, чтобы снабжать своих товарищей-земледельцев орудиями и создавать продукты промышленности, необходимые для членов самой коммуны.

Пример Парижа заразит его соседей. Там также вспыхнет анархическая революция, в результате которой образуется новая коммуна, и т. д., до тех пор, пока вся земля не превратится в ряд анархических коммун.

Как видите, по учению анархистов все делается просто, быстро и хорошо. Революция быстро развивается и охватывает одну область за другой, сопротивления буржуазия не оказывает, никаких хозяйственных затруднений, никакой разрухи революция с собой не несет. Будущее общество быстро налаживает свое производство. Надо отметить еще одну интересную сторону. По мнению Кропоткина, революция начнется с экспроприации не средств производства, как это думают социалисты, а предметов потребления. Первый шаг к разрушению буржуазного

строя, по Кропоткину, есть организация коммунизма потребления всех захваченных продуктов. Все захваченные в буржуазных складах предметы потребления образуют общественный фонд, из которого каждый берет, что и сколько ему надо.

В дальнейшем, когда иссякнет этот продовольственный фонд, «сами собой» начнут создаваться и производственные коммуны.

Эти анархические коммуны, как мы уже знаем, будут производить у себя все существенно необходимое для жизни. По отношению друг к другу каждая из них будет совершенно самостоятельна, они будут только по добровольному между собой соглашению обмениваться излишками своего производства. Внутри таких коммун будут господствовать и полное равенство и полная свобода. Каждый член работает, сколько хочет, делает, что хочет, и берет из общественного фонда столько и то, что он хочет. Социалисты, говорит тот же Кропоткин, по вопросу о распределении продуктов выдвигают лозунг — «каждому по его способностям». Социализм сохраняет неравенство оплаты за различные виды труда. Более квалифицированный труд будет оплачиваться выше, а это означает, что сохраняется неравенство в распределении продуктов — кто больше получает за труд, тот будет иметь и больше продуктов. Мы же, анархисты, выдвигаем лозунги — «довольство для всех», «каждому по его потребностям». Все произведенные обществом предметы потребления принадлежат всем, и каждый может брать все, что ему надо. Если же какого-либо продукта недостаточно, то его надо делить между всеми по равным порциям.

Таков идеал будущего общества по изучению анархистов-коммунистов. Свою теорию анархисты противопоставляют учению о коммунизме Маркса и Энгельса, теории научного социализма. И они совершенно правы: между взглядами анархистов и марксистов на будущее коммунистическое общество нет ничего общего.

1. Марксисты учат, что коммунизм может быть построен только на основе крупного производства. А крупное производство требует хорошо разработанного плана производства и строгой централизации. Таким образом, коммунизм — это новый общественный строй, который строится на основе крупного планового производства, это единое хозяйство, которое должно охватить весь земной шар [1]. Конечно, люди будут работать отдельными группами, отдельными производственными объединениями. Однако эти объединения — фабрика, завод, сельхоз. производственный коллектив — будут создаваться в зависимости от потребности всего производства в целом, т. е. по определенному плану.

По учению же анархистов отдельные, независимые друг от друга коммуны будут складываться случайно, без всякого плана, согласно желаниям отдельных людей.

2. При коммунизме все средства производства принадлежат всему обществу. Всему же обществу принадлежат и те продукты, которые производятся. При таком порядке не может быть более «богатых» и менее «богатых» общин. Каждый член общества будет связан определенной производственной дисциплиной и определенными требованиями производства во время своей работы. Вне работы каждый человек, конечно, будет свободен.

По учению анархистов каждая община владеет своими средствами производства и сама распоряжается теми продуктами, которые она производит. Такая община по своему желанию обменивает свои излишки с теми или другими соседними общинами, которые тоже владеют продуктами своего производства. Таким образом, при анархическом строе сохраняется экономическое неравенство — одни общины находятся в лучших условиях,

[1]) Речь идет о высшей форме социализма, т. е. о безгосударственной его стадии или коммунизме. Ленин неоднократно указывал, что социализм, как мы имеем на примере СССР, можно построить в одной стране. Это неизбежно вызовет революцию в капиталистических странах и таким образом коммунизм будет уже единым мировым хозяйством.

а стало быть, более богаты, другие — менее. Каждая такая община как производственная единица малоустойчива — в любое время она может распасться, если этого пожелает часть членов.

3. Марксисты указывают, что произведенные продукты в будущем обществе будут распределяться между его членами, в зависимости от состояния и высоты производства. Когда производство будет стоять настолько высоко, что недостатка в продуктах не будет, — каждый будет получать по своим потребностям. До тех же пор, пока производство еще не стоит достаточно высоко, пока еще существует разделение трудящихся на более и менее квалифицированных работников, придется придерживаться распределения продуктов, принимая во внимание это неравенство квалификации.

Анархисты подагают, что каждая маленькая коммуна сразу же сможет производить столько продуктов, что их хватит, чтобы удовлетворить каждого по его потребностям. На высоту техники производства они совершенно не обращают внимания. Они также думают, что можно сразу уничтожить деление работников на квалифицированных и неквалифицированных и установить равную для них оплату. Всякий хоть немного знакомый с работой на современных фабриках и заводах сразу же поймет, что сейчас обойтись без квалифицированного труда невозможно, как невозможно и всех работников сделать одинаково квалифицированными. Только очень высокая техника позволит производить все с избытком для всех и сделает ненужным разницу в оплате труда более квалифицированного и менее квалифицированного. Квалифицированный труд требует более длительного обучения, а потому, если он будет одинаково оплачиваться, скажем, с трудом чернорабочего, то желающих квалифицироваться найдется очень мало и производство будет нуждаться в высококвалифицированных работниках. Надо считаться с людьми как они есть, надо дать им толчок к тому, чтобы они приобретали квалификацию. Та-

ким толчком пока может явиться только более повышенная оплата за труд, который требует более длительного обучения. Анархисты ничего этого не хотят понимать, поэтому они в этом вопросе являются фантазерами и утопистами.

4. Марксисты, конечно, хорошо знают, что всякая государственная власть — это организованное господство какого-нибудь класса, что государство является классовой организацией, цель которой — подавление одними классами других. Буржуазное государство имеет своей целью охранять интересы капиталистов и удерживать их господство над пролетариатом и широкими слоями остальных трудящихся. Государственная власть в капиталистических странах является могучим орудием в руках буржуазии, которая позволяет ей удерживать свое господство и эксплоатировать трудящихся.

Марксисты хорошо учитывают значение государственной власти как орудия подавления сопротивления враждебного класса. Поэтому они указывают пролетариату на необходимость для него после свержения буржуазии захватить в свои руки государственную власть, построить пролетарское государство, государство диктатуры пролетариата и всю мощь и силу своей пролетарской государственной власти направить на окончательное подавление всякого сопротивления недобитой еще революцией буржуазии и для построения социализма.

Такое пролетарское государство мы и построили в нашей стране после Октябрьской революции 1917 г. Наш СССР является классовой государственной организацией рабочих, сбросивших свои цепи в союзе с крестьянством. Наша государственная власть направляет свою мощь на подавление сопротивления нашей буржуазии и бывших помещиков, наше государство, наша советская власть ставят своей задачей также защиту завоеваний Октябрьской революции от окружающих наш Союз империалистических государств. Наконец, наше государство ставит своей основ-

ной задачей построение в нашей стране социализма. Таким образом, вся сила пролетарского государства направлена на борьбу с буржуазным миром и на строительство нового общества, социализма.

Ничего этого анархисты не понимают и не хотят понимать. Они утверждают, что марксисты хотят на место капитализма построить «государственный социализм», что мы хотим укрепить деление общества на господствующих и подчиняющихся, что, конечно, совершенные пустяки: наша государственная власть — это организация громадного большинства страны, организация трудящихся, которая нужна пролетариату, чтобы уничтожить буржуазию, уничтожить классы вообще, построить социализм.

При социализме уже не будет классов, по мере укрепления социализма уже некого будет подавлять, а потому государство начнет само постепенно отмирать за ненадобностью, а при переходе к полному коммунизму отомрет окончательно. Таким образом, утверждение анархистов, что марксисты-большевики — сторонники государственного социализма, как конечной цели, является просто лживым наветом.

5. Марксисты хорошо понимают, что коммунистическое общество не может сразу возникнуть из капитализма в результате социалистической революции. Между капитализмом и коммунизмом лежит длительная эпоха — эпоха диктатуры пролетариата и строительства социализма, эпоха переходная между капитализмом и коммунизмом.

Анархисты считают, что можно сразу построить анархический коммунизм, надо только восстать против капитализма и разрушить государство.

Таким образом, ясно, насколько велики различия, существующие между тем коммунистическим строем, за который борются марксисты-большевики, и тем строем, который проповедуют и за который борются анархисты.

После Октябрьской революции 1917 г. анархисты и марксисты-большевики получили возможность на практике проверять правильность своих взглядов на построение нового общества. Как трудящиеся СССР под руководством коммунистической партии, т. е. последователей Маркса, Энгельса и Ленина, борются с буржуазией и строят в нашей стране социализм, мы видим на каждом шагу. О том же, как применяли свою теорию на практике анархисты и к чему это привело, мы поговорим ниже.

2. РУССКИЙ АНАРХИЗМ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

(Основные течения и тактика)

В начале 70-х годов прошлого столетия среди лучшей части интеллигенции возникло революционное движение, известное под названием революционного народничества. Народники того времени в своей теории стояли на точке зрения анархизма, считая одним из своих учителей Бакунина. Их анархизм выражался в том, что они верили в возможность быстро поднять русское крестьянство на социалистическую революцию, которая сметет самодержавие, помещиков и развивающийся капитализм, в результате чего Россия перейдет к анархическому строю. Этот будущий строй они представляли себе как совокупность отдельных земельных крестьянских общин и промысловых артелей. Эти общины и артели будут обмениваться между собой излишками своих продуктов. К государству они относились также по-анархистски и считали, что его необходимо сразу же разрушить. Однако эти анархические взгляды у революционеров того времени были очень неглубоки. Под влиянием революционной практики они скоро начали исчезать, а возникшая в 1879 г. народническая партия «Народная Воли» партия «Народная Воля» фактически от них отказалась. После распада «Народной Воли» революционное движение

16 6598.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

революционное движение пошло под руководством социал-демократов, т. е. сторонников учения Маркса.

Причины влияния анархических идей на народничество 70-х годов следует искать в социально-политических условиях России того времени. Грубый деспотизм и произвол власти, отсутствие каких-либо прав у народа, закрепощение государством крестьян — все это не могло не питать среди отзывчивой части интеллигенции отрицательного отношения к государству. Отсутствие открытой политической и экономической борьбы, партий и общественных союзов, крестьянские волнения начала 60-х годов — питали бунтарские настроения и рождали веру в революционность «народа». Наличие деревенской крестьянской общины, борьба последней с кулаками и мироедами, с разлагающим старый быт общины капитализмом порождало веру в возможность перехода непосредственно к анархическому строю. Анархизм народнической интеллигенции того времени, по выражению тов. Б. Горева, «является теоретическим выражением того протеста, который, по их мнению, должны были бы вызывать у русской деревни (и нередко в лице многих сектантов вызывали) закрепостившее ее государство (вместе с официальной церковью) и разрушающий ее основы капитализм».

В конце 80-х и в начале 90-х годов лучшая часть русской интеллигенции, как мы сказали, идет в ряды социал-демократов, т. е. связывает свою революционную работу с борьбой рабочего класса.

90-е годы прошлого столетия были временем бурного развития в России промышленного капитализма в условиях политического режима феодалов-крепостников и обострения обнищания крестьянства. Вместе с этим обостряются классовые противоречия, усиливаются контрасты буржуазной роскоши и нищеты трудящихся, растет число людей деклассированных, т. е. потерявших связь со своим классом, выбитых из колеи. На этой основе создаются благоприятные условия для развития у нас анархизма.

Рост революционного настроения широких слоев мелкой буржуазии города и деревни также благоприятствовал этому.

Оживление анархистского движения началось почти одновременно как среди русской эмиграции за границей, так и в самой России. Весной 1903 г. за границей организуется группа анархистов, учеников Кропоткина, и начинает издавать в Женеве ежемесячный журнал «Хлеб и Воля». В скором времени «хлебовольцы» созывают в Лондоне первое совещание русских анархистов из эмигрантов. Совещание состояло из сторонников Кропоткина. Обсудив положение в России, совещание решило, что необходимо приступить к немедленному осуществлению в России «коммунистического строя». Для этого совещание рекомендует поднимать массовые выступления в городах и деревнях и приступить к широкому террору.

Параллельно с деятельностью эмигрантов за границей начинают возникать первые анархические группы и в России. Эти группы состоят из сторонников Кропоткина, т. е. хлебовольцев, как они назывались по имени заграничной организации «Хлеб и Воля» и журнала того же имени. Так, весной 1903 г. возникают анархические группы в Белостоке и Нежине, Черниговской губернии. Если в Белостоке эта организация состоит из ремесленных рабочих, то в Нежине анархическая группа работает среди учащейся молодежи. Через год появляются анархисты в Екатеринославе, Житомире и Одессе. После этого анархические группы возникают во многих городах.

Рост анархических групп в России скоро породил в их среде ряд течений и оттенков. Если до этого первые группы в России находились под влиянием хлебовольцев-кропоткинцев, то теперь возникает ряд новых течений. Все эти течения отличаются друг от друга, главным образом, тактикой.

В 1905—1906 гг. среди анархистов выявились и более или менее оформились следующие направления:

Хлебовольцы для более успешного выступления масс под лозунгом анархической революции считают необходимой, на ряду с призывами к восстанию и широким применением террора—этой «пропаганды действием»,—регулярную работу среди масс и рабочих организаций. Стремятся создавать рабочие организации, идут с целью анархической пропаганды в существующие рабочие организации. Группа распадается в ноябре 1905 г. с прекращением журнала «Хлеб и Воля», которого вышло 24 номера.

Чернознаменцы. Группа получила свое название по имени журнала «Черное Знамя», единственный номер которого вышел в декабре 1905 г. Группа совершенно не находит нужным работать в массах, так как массы, по ее мнению, уже подготовлены к революции. Она признает исключительно боевую и бунтарскую деятельность — террор и организацию бунтов и восстаний.

Безначальцы. Группа возникает весной 1905 г. издает за границей в течение весны и лета 1905 г. три номера журнала «Листок Группы Безначалия» и ряд прокламаций в России. Эта группа отрицает какую бы то ни было работу среди масс. Она проповедует поджоги, разрушение и захват буржуазной собственности, т. е. «экспроприации». Она призывает к физическому истреблению всех «классовых врагов» пролетариата, причем в число этих классовых врагов она относит и социалистические партии. С этими «демократическими», как она их называет, партиями, она обещает вести борьбу «не на жизнь, а на смерть». Группа отметила свою деятельность целым рядом ограблений не только казенных учреждений, но и частных предприятий и даже квартир и рядом террористических актов, которые, впрочем, почти не поднимались выше убийства околоточного или пристава.

Безмотивники. Группа, родственная безначальцам. Называла себя «безмотивниками-террористами». По мнению группы, нечего заниматься не только какой-либо организационной или пропагандистской работой среди масс, лишнее

даже заниматься агитацией. Лучший способ поднять восстание масс — это вести «пропаганду действием». Однако, если другие направления выбирали для своих террористических актов, для своей «пропаганды действием», того или другого определенного представителя власти или буржуазии, убийство которого все-таки могло быть понятно массе как акт мести за те или другие его поступки по отношению к массе, то безмотивники эту-то определенность покушения как раз и отрицают. Террор надо производить «безмотивно». Пропаганда действием только тогда достигнет своей цели, когда она направляется «против всего буржуазного общества в целом». Надо просто бить первого попавшегося буржуа. Чтобы лучше достичь цели, надо бросать бомбы всюду, где собирается прилично одетая публика: в кафе, рестораны, магазины, вагоны первого класса железных дорог и т. д. Если в числе этих «буржуев» бомба убивала зашедших в магазин или ресторан рабочих и служащих — это не смущало безмотивников. Чем больше будет таких безмотивных актов террора, тем скорее поднимется народ на восстание... Из крупных актов, которыми проявили себя безмотивники, можно отметить взрыв бомбы в гостинице «Бристоль» в Варшаве в ноябре 1905 г. и бомбы, брошенные в кафе Либмана в Одессе в декабре 1905 г., и в вагон первого класса на одесском вокзале в том же месяце.

Группа «Буревестник» — течение в анархизме синдикалистского направления, или анархо-синдикализм. Анархо-синдикалисты на первый план выдвигают работу в профсоюзах, которые ими противопоставляются политической партии. Политические партии,—учат анархо-синдикалисты,— не могут повести пролетариат к социализму, так как партия требует единства программы и взглядов. Рабочие могут победить, только объединяясь в профсоюзы, т. е. на почве своих производственных интересов. Политическую борьбу вести не надо, надо вести борьбу на почве своих экономических интересов. Надо призывать рабочих к «прямому

действию». Таким прямым действием являются стачки, саботаж, экономический террор, т. е. убийство не идущих на уступки предпринимателей. Это течение по своим взглядам опиралось на учение Бакунина.

Несколько в стороне от этих основных течений русского анархизма стоит разновидность анархизма, известная под именем «махаевщины» (по имени главного теоретика и творца этого течения Махайского). Махаевщина возникла в конце 90-х гг. прошлого столетия. Основные положения махаевщины таковы. Социализм — это выдумка интеллигенции во главе с К. Марксом для того, чтобы в своих интересах использовать рабочий класс, вовлекая его в политическую борьбу, призывая к свержению власти буржуазии. Все это не нужно рабочему классу, это нужно исключительно интеллигенции. Задачей рабочих является борьба «за конкретные интересы». Рабочие должны бороться чисто экономическим путем, путем экономических стачек, за улучшение своего положения. Рабочие должны добиваться прежде всего повышения заработной платы, и когда их доходы станут равными доходам интеллигенции, они должны поднять борьбу за равное для всех образование. Все это положит конец существованию интеллигенции, которая является злейшим врагом рабочего класса. Заговору интеллигенции против рабочего класса, который выражается в учении социализма, пролетариат должен противопоставить «всеобщий рабочий заговор». Этот заговор, вылившись во всеобщее восстание, уничтожит буржуазию и интеллигенцию.

Махаевцы проповедывали не только «восстание против интеллигенции». Они относились отрицательно и к рабочим крупной промышленности, потому что последние «развращены социалистической пропагандой». Главных носителей идеи «рабочего заговора» они видели в безработных босяках и хулиганах. Хулиганам один из теоретиков махаевщины Лозинский придавал особенно важное значение: «Свободный по одному своему отчаянному положению от

всевозможных профессиональных, кооперативных и тому подобных увлечений и одуряющих воздействий со стороны нашей либеральной и социалистической интеллигенции, — писал он, — равнодушный ко всякой «политике» и верным чутьем предугадывающий в лице всех современных красно-байствующих политиканов своих злейших и опаснейших врагов, с сосредоточенным вниманием вокруг одного лишь пункта, но основного, все остальное обусловливающего, — пункта *карманного,* экономического, воинствующий «хулиган» способен внести и во всю остальную рабочую среду живую, отрезвляющую струю здравого пролетарского смысла, разгадавшего, наконец, где раки зимуют и что *надо* делать и чего *не* делать в интересах пролетарского освобождения». *(Курсив Лозинского).*

По своему существу махаевщина являлась контрреволюционным течением, направленным против революционной борьбы рабочих, против их борьбы за диктатуру пролетариата.

Никаким заметным влияниям в рабочей среде это течение не пользовалось. Никаких сколько-нибудь прочных организаций в среде рабочего класса махаевцы не создали, их влияние косвенно сказывалось иногда в той вражде, с которой относились к партийной интеллигенции некоторые прослойки рабочих.

Таковы основные течения русского анархизма вплоть до Октябрьских дней 1917 г. Если не считать группы «Буревестник», то основой тактики всех течений русского анархизма является «пропаганда действием», террор, мотивированный или безмотивный. Все остальное или отрицается, или отходит на задний план. На ряду с террором русские анархисты проповедывали и широкое развитие экспроприаций. И действительно, экспроприации русские анархисты уделяли, пожалуй, большее внимание, чем даже террору. Особенно это имело место в 1906—1907 гг., когда революция была разбита. Анархисты не довольствовались тем, что нападали на государственные учреждения, на банки, на почту и т. д.,

что влекло за собой часто много жертв со стороны трудящихся этих учреждений; они не отступали перед тем, чтобы на глазах рабочих совершать вооруженные нападения на заводские кассы в день получки рабочих и забирать деньги, предназначенные к выдаче рабочим заработной платы. Особенно много было экспроприаций касс в частных магазинах.

Как мы видели, почти все группировки русского анархизма считали лишней работу среди масс, за исключением группы «Буревестник» и хлебовольцев. Однако почти единственно, в чем выражалась работа среди «масс» этих групп— это их помощь» рабочим в экономической и стачечной борьбе. Но эта «помощь» в конечном итоге приносила рабочим определенный вред. Мы знаем, что стачечная борьба рабочих в капиталистическом обществе только тогда достигает цели и оказывает на рабочий класс воспитательное значение, повышает сознательность массы, усиливает сплоченность и силу, когда она ведется организованно и проводится усилиями самих рабочих масс. Работа марксистов и ведется в этом направлении. Анархисты считают это совершенно излишним.

Если анархисты и вмешивались в течение той или другой стачки, то не для того, чтобы повысить сопротивляемость и сплоченность рабочих, а для того, чтобы взять на себя проведение «экономического террора» по отношению к хозяевам, не желающим уступить. Так, еще в середине 1904 г. в Белостоке анархистами было совершено несколько покушений на хозяев, не желающих итти на уступки стачечникам. Вскоре этот экономический террор анархисты стали применять везде, где имелись анархистские группы. На первых порах во многих местах это давало успех: напуганные хозяева, когда узнавали, что стачкой руководит «группа», шли на уступки. Это производило на малосознательных рабочих сильное впечатление. Авторитет анархистов быстро повышался, но вместе с тем это совершенно развращало и обессиливало рабочих. Рабочие привыкали надеяться не на собственные свои силы, не на свою сплочен-

ность, выдержку и организованность, а на анархистов, которые за них все сделают.

Особенно шумлив и, казалось, велик был успех анархистов среди рабочих после 9 января 1905 г. Широко разлившееся революционное движение, в которое оказались втянутыми и малосознательные и отсталые массы, промышленний кризис, порожденный русско-японской войной, безработица — все это создало в известной части рабочего класса тягу к анархизму: рабочих прельщали боевизм анархистов, их революционные фразы, их экономический террор.

Однако в то время как анархисты шумели своими бомбами, социал-демократы, большевики, вели среди рабочих систематически широкую организационную, пропагандистскую и агитационную работу. Большевики сплачивали рабочие массы и организовывали их. Они развивали активность рабочих, расширяли их политическиий кругозор, поднимали и классовое самосознание. Они указывали рабочим на необходимость борьбы с самодержавием, на необходимость политической борьбы в интересах освобождения рабочих, что отрицали анархисты. Анархической тактике безмотивного, или экономического террора, призыву к грабежу и разрушению буржуазной собственности, призыву к бессистемным бунтам большевики противопоставили тактику массовой борьбы рабочего класса, опирающегося на массовые классовые организации под руководством политической партии рабочего класса.

И результаты скоро сказались. Осенью 1905 г. широкое рабочее движение пошло за большевиками и встало на путь политической борьбы. Рабочие отвернулись от анархистов, и знаменитая октябрьская стачка 1905 г. носила определенно политический характер. Политический характер имела и деятельность образовавшихся тогда советов рабочих депутатов. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. и январе 1906 г. не только в Москве и на окраинах, но и на

юге, где были особенно сильны анархисты, носили также политический характер, т. е. имели целью захват власти.

1906-07 гг. были временем разложения анархизма. Прежде всего анархисты стали быстро терять всю свою популярность даже среди тех отсталых слоев рабочего класса, которые видели в анархистах своих «защитников» в борьбе с хозяевами — «бросят анархисты бомбу, хозяин и уступит». На деле скоро оказалось, что на испуге хозяев многого добиться было нельзя. Боялись анархистов и шли им на уступки, главным образом, мелкие хозяйчики, владельцы небольших мастерских. Что же касается фабрикантов и заводчиков, то они предпочитали в случае угроз анархистов уезжать за границу, чем итти анархистам на уступки. Они так и делали, оставляя за себя директоров и управляющих. В ответ на требования анархистов хозяева начали применять локауты. Рабочая масса оказалась уже неспособной бороться самостоятельно. Забастовки проигрывались, а вместе с этим падало и влияние анархистов. В одном из сообщений в «Буревестник» из Белостока летом 1906 г. корреспондент рассказывает, что во время забастовки нитялей (рабочих ниточных фабрик) масса всецело надеялась на анархистов. Анархисты бросили в квартиры фабрикантов несколько бомб, но фабриканты уехали за границу и не сдавались. Тогда рабочие не выдержали и стали на работу даже на худших условиях. Это вызвало падение влияния анархистов — сочувствие им сменилось озлоблением.

Эта потеря анархистами влияния среди масс в начале 1906 г. сопровождалась внешним усилением анархистской деятельности и анархистских выступлений. Дело в том, что на ряду с падением влияния анархистов среди масс в их ряды начинают вливаться элементы, разочаровавшиеся в успешности массовой революционной борьбы. Обострившийся экономический кризис, массовые локауты предпринимателей, неудача политической борьбы 1905 г. толкали в ряды анархистов часть энергичной, но мало разбирающейся в теоретических вопросах рабочей молодежи. Она пополнила и

усилила кадры анархистов. Сюда же влилась часть боевиков из распущенных социал-демократами своих боевых дружин, ставших уже не нужными в эпоху надвигавшейся реакции.

Все это немедленно отразилось на оживлении анархических выступлений. Однако этот расцвет анархического движения выразился главным образом в экспроприациях и вымогательствах. А это означало уже разложение анархизма как идейного течения. Анархизм распался на очень маленькие отдельные группы, которые пополнялись всякого рода уголовщиной и вообще темными личностями. Вся деятельность этих групп сосредоточивалась на «эксах», как тогда называли экспроприации. Они не брезговали ничем. Они совершали налеты на трамваи и срезали денежные сумки у кондукторов, они грабили мелкие лавочки, они нападали на магазины и вместе с содержимым касс отбирали кошельки и ценности у публики, которая находилась в это время в магазине. Они посылали, наконец, состоятельным людям угрожающие письма, в которых требовали под угрозой смерти выдать им ту или другую сумму. Они прибегали даже к таким способам вымогательства, как похищение у богатых родителей детей (главным образом на Кавказе), которых и возвращали за определенный выкуп. Грань между уголовным разбоем и вымогательством и деятельностью анархистов окончательно стерлась. Такие экспроприации не только разлагали организацию анархистов, но дискредитировали их учение.

Наиболее солидные группы анархистов, еще сохранившие свою идейность, конечно, такими мелкими «эксами» или вымогательствами не занимались. Однако и их деятельность на ряду с террористическими актами выражалась в подготовке и совершении экспроприаций, но уже более крупного характера. Эти крупные экспроприации в случае их успеха также разлагали даже идейные группы анархистов. Бесконтрольное распоряжение крупными суммами денег многих соблазняло. Корреспонденты «Буревестника» жалуются, что «после каждой крупной экспроприации группа уве-

личивалась и часто такими «товарищами», у которых только разгорались аппетиты легкой наживы и спокойного отдыха». Многие из членов группы под разными предлогами присваивали себе крупные суммы и уходили из рядов анархизма. Мы, ведь, уже знаем, что по учению анархистов каждый вполне свободен и волен поступать, как хочет...

Это внутреннее разложение анархизма и послужило причиной того, что анархизм стал быстро исчезать. Конечно, большое значение имели и те репрессии, с которыми правительство обрушилось на анархистов. Однако одними репрессиями исчезновения анархизма объяснить нельзя. Ведь эпоха реакции 1907—10 гг. была тяжела для всех. Ведь правительственные репресси били не только анархистов, но и большевиков и другие социалистические партии. В огне этих репрессий разлагающиеся партии и группировки гибли, будучи не в силах вынести репрессии, здоровые же сохранили себя от распада и развала в самые черные дни реакции. Так, если под ударами реакции разложились анархисты, меньшевики и эсеры, то большевикам удалось сохранить в подполье основное и здоровое ядро своей партии. Большевикам удалось сохранить также свое влияние на широкие рабочие массы.

Моральное разложение анархистов привело к тому, что уже в 1908 г. из всех довольно многочисленных анархических групп в России действовала только одна в Екатеринославе. Прошел еще год, и об анархических группах уже не слышно совсем.

Эпоха реакции начинает проходить к концу 1910 г. «С лета текущего года начинается опять подъем, — писал Ленин в декабре 1910 г.—Число экономических стачечников возрастает и возрастает очень сильно. Полоса полного господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, отступавший, хотя и с большими перерывами, с 1905 г. по 1909 г., собирается

с силами и начинает переходить в наступление». Не прошло полутора лет после того как В. И. Ленин писал эти строки, как пролетариат громко возвестил всему миру, что эпоха реакции в России миновала. Расстрел в далекой ленской тайге рабочих стачечников, в Бодайбо («Ленский расстрел»), вызвал массовый политический протест рабочего класса. В промышленных центрах, начиная от Петербурга и кончая южными городами, прокатилась волна политических забастовок протеста, в которых приняло участие свыше 200 000 рабочих. С этого времени рост активности рабочего класса и его революционизирование идут быстрыми шагами. Во главе движения становятся большевики. Анархизму в нем нет места. Анархизм, окончательно потерявший всякое доверие в глазах широких рабочих масс в 1906—08 гг., уже не возрождается в эту эпоху нового подъема революционной борьбы рабочего класса. Отдельные кое-где возникающие маленькие группки анархистов ведут изолированное существование и никаким влиянием не пользуются.

В эпоху империалистической войны на почве быстро растущего развала народного хозяйства России, на почве разложения тыла и дезертирства из рядов царской армии опять создается довольно благоприятная почва для возрождения анархизма. Этому способствует также наплыв на заводы, работающие на оборону, мелкобуржуазных элементов — сыновей лавочников, старшин, кулачков, которые укрывались по этим заводам в качестве военнообязанных, чтобы не итти на фронт. Среди этих-то элементов идеи анархизма начинают вызывать некоторое сочувствие. В отдельных крупных промышленных городах, в частности в Петербурге и Екатеринославе, опять возникают анархические группы. Эти группы проявляют себя разбрасыванием прокламаций, но главное — попытками экспроприаций. Однако никакого отклика призывы анархистов и их выступления в основной рабочей массе не находят. Масса ведет политическую борьбу без какого-либо влияния на нее со стороны анархистов.

3. АНАРХИСТЫ ПЕРЕД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Февральская революция принесла с собой наравне с общим революционным подъемом масс и оживление анархизма. Этому способствовало освобождение старых анархистов из тюрем и ссылок, а также возвращение в Россию анархистов-эмигрантов. В ряде городов опять возникают анархические группы.

Однако в это время крайние группы анархистов эпохи революции 1905 г. — безмотивники, чернознаменцы, безначальцы и т. д. — не имеют почти никакого влияния, они себя не проявляют. В 1917 г. среди анархистов преобладали анархо-коммунисты, бывшие хлебовольцы и анархо-синдикалисты. Эти группы, возглавляемые в ряде мест идейными вожаками, имели некоторую опору среди промышленных рабочих. Большим влиянием эти группы пользовались среди моряков как Балтийского, так и Черноморского флотов. Поскольку анархо-коммунисты и анархо-синдикалисты признавали работу в массах, они приняли участие в работе советов, образовав в них свои анархические фракции. Особенно сильно влияние анархистов было в Кронштадтском совете, во главе анархической фракции которого стоял Блейхман.

Здесь анархисты имели влияние главным образом среди матросов, большинство которых состояло из крестьян. Рабочие Кронштадта в подавляющей своей массе шли за большевиками. В борьбе против Временного правительства большевики и анархисты Кронштадта шли вместе.

Поскольку перед рабочим классом России после Февральской революции стояла борьба с буржуазией и разрушение буржуазного государственного аппарата — борьба анархистов против буржуазного государства и Временного правительства являлась революционной и фактически помогала большевикам в деле подготовки Октябрьской революции. Поэтому в эту эпоху анархисты обычно шли вместе с большевиками.

Мы видели, что еще в 1906—07 гг. окончательно стерлась грань между идейным анархистом, грабящим кассу завода в день выдачи рабочим заработной платы, и простыми бандитами-налетчиками, отбирающими в магазинах кошельки у покупателей или срезающими денежную сумку у кондуктора трамвая. Таким образом, под видом анархистов в Феврале 1917 г. из тюрем вышло много чисто уголовных элементов, осужденных как анархисты.

Вместо того, чтобы поставить себе задачей очиститься от всех этих уголовных и полууголовных элементов, «федерации» анархистов, т. е. добровольные объединения отдельных анархических групп, широко открывали двери для всех, называющих себя анархистами. Никаких поверок идейных убеждений в анархических группах не существовало, никаких регистраций не велось—пришел, заявил, что анархист, и все. Поэтому не удивительно, что вскоре организации анархистов оказались опять з а с о р е н н ы м и уголовным и авантюристическим элементом. Однако на первых порах особенно ярких действий уголовного характера в деятельности анархистов мы не видим. Анархисты организовывали отряды «черной гвардии», производили обыски, конфискацию продовольствия и т. д.

Правительство Керенского, видимо, боялось преследовать анархистов. При первых же столкновениях с анархистами Временное правительство поспешило укрыться за спиной соглашательского Петербургского совета того времени, который находился в руках вождей меньшевиков и эсеров. Анархисты насильственно заняли дом герцога Лейхтенбергского и дачу, принадлежавшую бывшему министру Дурново на Полюстровской набережной (в Ленинграде). Буржуазная печать подняла шум по поводу захвата частных помещений. Временное правительство потребовало от Петербургского совета унять анархистов. Петербургский совет в лице своего эсеро-меньшевистского исполкома с готовностью пошел навстречу Временному правительству и оказал давление на анархистов. Не желая ссориться с советом и тем

возбуждать против себя рабоче-солдатскую массу, которая тогда поддерживала еще соглашательский совет, анархисты согласились очистить помещение добровольно. Эпизод маленький, но он является показателем слабости анархистов того времени.

С приближением Октябрьских дней анархисты, захваченные общим революционным подъемом, направленным против буржуазии и Временного правительства, шли вместе с большевиками, не выставляя каких-либо самостоятельных лозунгов и требований. В отдельных местах анархисты того времени даже поддерживали лозунг: «Власть советам». Правда, они оговаривались, что понимают советы не как государственные органы диктатуры пролетариата, а как «организацию трудящихся». В этой разнице понимания сущности советов уже лежали зародыши будущей борьбы анархистов с советской властью.

4. АНАРХИЗМ В ЭПОХУ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Октябрьская революция, как известно, началась открытой гражданской войной пролетариата с буржуазией. На первых порах перед рабочим классом стояла задача не только захвата власти, но и разрушения государственного аппарата буржуазии, уничтожения капиталистического государства. В первые дни Октября старая власть была разрушена, новая же, советская, была еще слаба, еще как следует не сорганизовалась. Этот период «безвластия» анархисты использовали во-всю, прежде всего в своих собственных интересах. В Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону и других городах анархисты захватывают буржуазные особняки, гостиницы и другие подходящие здания, в которых располагаются их коммуны. В ряде городов — Екатеринослав, Ростов, Брянск—анархисты выпускают из тюрем всех уголовных. Этот уголовный элемент устремляется в анархические организации, двери которых попрежнему широко открыты для всякого. Небольшая кучка идейных анархистов совершенно

растворяется в этом море уголовно-авантюристского элемента.

Деятельность анархистов в это время выражается, главным образом, в том, что анархические отряды «черной гвардии», под видом обысков и реквизиций, занимаются грабежами. «Реквизированные» вещи, продовольствие и ценности поступают в ту или другую «коммуну». Из этих «фондов» каждый из анархистов берет себе «по потребностям», согласно анархистскому положению. В общем анархисты в своих особняках-коммунах живут недурно, в то время как рабочие массы уже сидят на голодном пайке.

Чем дальше, тем все больше и больше распоясывается уголовный элемент, входящий в анархистские организации. Это признают даже сами анархисты. Так, в марте 1918 г. в органе московской федерации анархистских групп «Анархия» пишут: «За последнее время замечается злоупотребление именем федерации анархистских групп. Неизвестные личности отбирают кошельки, производят угрозы с целью вымогательства, обыски, аресты и т. п., пользуясь именем федерации». Словом, налицо та же картина быстро разлагающегося анархизма, которую мы видели в 1906—08 гг., только еще в большем масштабе.

Сознавая это, анархисты никаких мер к оздоровлению своих организаций все же не принимают — этого не допускают их взгляды...

«Аппетит, — как говорят французы, — приходит во время еды». Аппетиты анархистов, начавшись с ограблений отдельных буржуа, растут все больше и больше. Если в первые дни Октября анархисты «грабили награбленное» у буржуазии, то теперь, когда основные ценности перешли в руки советской власти, они пытаются грабить пролетарское государство и даже рабочие организации. Так, в Москве был ограблен бельевой склад Всероссийского земского союза, национализированный советской властью. В Екатеринославе в марте 1918 г. группой анархо-коммунистов был ограблен продовольственный

комитет; здесь же были ограблены касса трамвайного т-ва, тоже национализированного, и, наконец, брянский кооператив рабочих — организация уже чисто рабочая. То же имело место и в других городах.

Эта «разрушительная» деятельность анархистов не могла, конечно, не столкнуться с деятельностью советской власти, которая после первых «разрушительных» дней Октября переходит к задачам внедрения в жизнь социалистических начал. Одной из первых задач было упорядочение продовольственного снабжения населения, в первую очередь крупных городов и промышленных центров, при помощи государственного аппарата и советской общественности. Между тем, широко развившаяся спекуляция хлебом и другими продуктами продовольствия со стороны мешочников срывала всякую возможность наладить планомерно дело снабжения. Мало того, мешочники своей массой делали совершенно невозможной нормальную работу транспорта. Все это заставило советскую власть принять решительные меры по борьбе с мешочничеством. С целью добыть хлеб у кулацких элементов деревни советская власть организует из рабочих продовольственные отряды, отправляемые в деревню. Для борьбы с мешочниками ставятся заградительные отряды из рабочих. Это вызвало резкое выступление анархистов. Они бешено агитируют против продовольственных отрядов, выступают в защиту мешочников во имя «свободы обмена». Они берут под свою защиту кулацкие элементы деревни, которым борьба с мешочничеством мешает спекулировать своим хлебом, и они определенно грозят советской власти кулацким восстанием: «Деревня скоро скажет свое грозное слово большевикам — «долой», пишет орган московской федерации «Анархия». Здесь, в этой угрозе, впервые определенно выявилась ставка анархистов в борьбе против советского государства, против диктатуры пролетариата, на кулаков. Вскоре судьба анархизма, как мы увидим далее, самым тесным образом связывается с движением украинского кулачества против советской власти.

В той же заботе о восстановлении нормальной жизни в стране советская власть обращает внимание на упорядочение железнодорожного движения, производство необходимого ремонта подвижного состава и т. д. Всякому понятно, что железнодорожное дело является организацией, требующей четкости работы, строгой дисциплины, определенного плана и централизации управления. Между тем, в результате разрухи перед Октябрем и в первые дни Октября все это сильно ослабело. Советская власть приступает к централизации управления на железных дорогах, к поднятию дисциплины и производительности труда железнодорожных рабочих и служащих. Анархисты развивают агитацию среди железнодорожников против этих мероприятий, объявляя, что эти меры являются «возвратом царской палки».

В целях большей успешности обороны советской страны от империалистов как Германии, так и Антанты, а также на белых фронтах начавшейся гражданской войны, советская власть использовала «передышку», которую дал нам Брестский мир с Германией для того, чтобы приступить к организации Красной армии. С этой целью начинается сведение отдельных партизанских отрядов, которые боролись с белогвардейскими бандами, в крупные регулярные воинские части под началом единого командования. Начинается налаживание регулярного снабжения частей, вводится в них революционная дисциплина. Анархисты и здесь резко выступают против мероприятий советской власти.

В этой борьбе против мероприятий партии большевиков и советской власти анархисты сближались с другими «левыми» течениями — с левыми эсерами и максималистами, которые также боролись с большевиками, выступая против всех этих мероприятий.

Все эти выступления анархистов против мероприятий советской власти не только мешали восстановлению нормальной жизни страны, но и ослабляли силу советского государства и тем самым объективно являлись контррево-

люционными. На деле все это помогало буржуазным и белогвардейским элементам в их борьбе против советской власти. Советская власть не могла поэтому не принять мер пресечения против контрреволюционных выступлений анархистов, равно как и против грабежей и бесчинств «черной гвардии», обысков и реквизиций бандитского характера, о которых мы говорили выше. В ночь с 11 на 12 апреля 1918 г., по распоряжению правительства, были произведены обыски в особняках, захваченных анархистами в Москве и других городах. Уголовные элементы анархистских коммун были арестованы, а идейные руководители федерации привлечены к ответственности за укрывательство уголовных и бандитов. В особняках было найдено громадное количество продовольствия, масса награбленных вещей, взрывчатых веществ и разного рода оружия.

Отношения между анархистами и советской властью быстро обостряются. Ряд анархических групп скрывается в подполье. Вскоре они объединяются для борьбы с советской властью и пролетарской революцией. Создается «единый анархизм», имеющий два центра: Московско-Петербургский и Украинский. Последний объединяет анархические группы Украины под именем конфедерации «Набат» с центром в Харькове.

Обе эти анархические федерации переплетаются друг с другом. «Трудно сказать, — писал впоследствии один из анархистских журналистов,—что появилось раньше—«набатовщина» или «единый анархизм» (имеется в виду Московско-Петербургское объединение), быть может, они одновременно породили друг друга, но теперь они стали синонимом и расколоть их, не убивая обоих, нельзя. Это признание очень характерно и показывает, насколько трудно уловить моменты организационного строительства «единого анархизма»: создаются соглашения тех или других групп, собираются конференции с тем, чтобы через несколько времени создавшееся было объединение распалось, а затем возникло вновь.

В 1919 г. в Москве складывается «Всероссийская организация анархистов подполья», которая ставит своей целью борьбу с советской властью путем террористических актов, экспроприаций, организации крестьянских восстаний и т. д.

Из всех этих анархических объединений наиболее четко выявила свои взгляды и свою тактику конфедерация «Набат».

На первой конференции набатовцев в ноябре 1918 г., в разгар гражданской войны при наличии белых фронтов, принимается «декларация об условиях совместной работы анархистов» — это своего рода программа единого анархизма. Декларация заявляет, что никакой переходной стадии между капитализмом и будущим обществом «на деле не имеется», т. е. отрицается необходимость диктатуры пролетариата, советской власти. Социальная революция, — говорит дальше декларация, — есть разрушение государства и «творческая замена его экономическо-массовой, безвластной, подлинно коммунистической формой» общежития. Отсюда призыв к борьбе с советской властью.

В поисках опоры в массах для борьбы с советской властью анархисты обращают свое внимание на недовольные советской властью элементы деревни, т. е. на кулачество. В кулацких элементах деревни анархисты начинают видеть носителей своего анархического идеала.

Первая конференция набатовцев проходила в тот период, когда развертывалось на Украине крестьянское восстание против немцев, Скоропадского и Петлюры. Конференция в этом крестьянском движении на Украине видит силу, которая позволит анархистам осуществить создание анархического строя.

Они надеются, что «грядущая революция на Украине сразу же может направиться по пути беспартийно-массового народного творчества и сразу же может превратиться в революцию, долженствующую создать анархо-коммунистический строй».

В своей резолюции конференция поэтому считает необходимым для анархистов принять участие в борьбе повстанческих партизанских отрядов с тем, чтобы «внести в эту борьбу анархическое содержание, стремясь теперь же подготовить в анархическом направлении грядущую победу и организацию сил революции».

5 АНАРХИЗМ И МАХНОВЩИНА

Партизанское движение, известное под названием «махновщины», зародилось весной 1918 г. в южных степных губерниях Украины как крестьянское восстание, направленное против немецкой оккупации и режима гетмана Скоропадского. Центром его являлось село Гуляй-Поле, Александровского уезда, родина Махно.

Махно — бывший рабочий столяр[1], анархист, сосланный в 1907 г. царским правительством на каторгу и освобожденный в Февральскую революцию. Осенью 1917 г. Махно становится во главе крестьянского движения Гуляй-Польского района. Здесь районный земельный комитет во главе с Махно уже в августе 1917 г. берет на учет все помещичьи земли и инвентарь, распределяет их между крестьянами по уравнительно-трудовой норме. Октябрьская революция послужила толчком к захвату помещичьих земель крестьянина по всей Украине. Однако, вслед за оккупацией германо-австрийскими войсками Украины, помещики вернулись на свои места и с помощью немецких штыков отобрали у крестьян обратно свои имения. Махно в это время уезжает в Советскую Россию.

Помещики, опираясь на германские штыки, не только вернули себе захваченные крестьянами земли, но и потребовали возмещения всех убытков, которые они потерпели от разгрома имений. Домогательства помещиков и сбор гетманским правительством и немецкими отрядами продук-

[1] См. Кубанин, Махновщина, стр. 26.

тов для Германии вызвали среди украинских крестьян резкое озлобление. В конце мая и начале июня 1918 г., с приближением времени жатвы, крестьянство Украины вступает в борьбу с помещиками, с гетмановскими и немецкими отрядами, начинаются нападения на экономии, где вырезываются часто помещичьи семьи целиком, организуются отряды, которые нападают на немецкие и гетманские отряды. В это-то время в Гуляй-Поле опять появляется Махно и становится во главе крестьянских партизанских отрядов, объединяя их под своим командованием. Удачные действия против Скоропадского и немцев широко разносят славу о Махно. К нему начинают стекаться повстанцы.

Отряды Махно составляются не только из крестьян, в них вливаются массами рабочие рудников и металлургических заводов юга, чему особенно способствует кризис, вызванный сокращением производства. Таким образом, основная масса повстанцев Махно этого периода состояла из деревенской бедноты, середняков и заводских рабочих.

Такой социальный состав партизанских отрядов, объединяемых Махно, не мог не относиться сочувственно к советской власти и большевикам. В глазах широких слоев крестьянства советская власть и большевики были той силой, которая в октябре 1917 г. свергла власть помещиков и дала крестьянам землю. Частичное недовольство действиями советской власти до оккупации Украины немцами и восстановления власти Петлюры, а затем Скоропадского в области продовольственной политики было давно уже забыто. В Красной армии повстанцы видели своего союзника и освободителя. Под давлением этого настроения своих частей анархист Махно принужден был войти в сношения как с украинскими большевиками, так и с советской властью РСФСР.

Когда в конце 1918 г. большевики поднимают восстание на Украине, большевистские отряды действуют совместно с махновцами. Правда, первый такой союз большевиков и рабочих Екатеринослава с махновцами в декабре 1918 г.

сразу же выявил все отрицательные стороны партизанщины. Совместными силами большевистских отрядов из Екатеринославских рабочих и повстанческой армии Махно петлюровские части были выбиты из Екатеринослава. Однако не успели еще закончиться бои, как махновские отряды занялись грабежом города, который продолжался несколько дней. Это позволило небольшому отряду петлюровцев вновь захватить Екатеринослав, причем во время поднявшейся паники почти весь отряд Махно был уничтожен, а вслед за этим петлюровцы жестоко расправились с екатеринославскими рабочими и оставшимися в городе большевиками.

Но все же партизанщина Украины в это время делала революционное дело, помогая Красной армии в ее борьбе с петлюровцами и Деникиным.

Как мы уже упоминали, ноябрьская конференция «набатовцев» постановила использовать партизанские отряды Украины в борьбе не только против петлюровщины и скоропадовщины, но и против большевиков. Набатовцы решили это партизанское движение перевести в анархическую революцию. Однако в резолюции, принятой по этому поводу ноябрьской конференцией набатовцев, о Махно еще ничего не говорится, т. к. в то время он был в союзе с советской властью.

В январе 1919 г. Красная армия, наступает на Деникина и Петлюру, вступает на Украину, соединяется здесь с Махно и идет дальше на юг против белых. Командующий фронтом приказывает Махно влиться со своими отрядами в Красную армию и подчиниться единому командованию. Так как основная масса повстанцев Махно сочувствовала советской власти, то после некоторого колебания Махно вынужден был подчиниться. Однако сделал он это с явной неохотой, т. к. понимал, что это означало уничтожение партизанщины.

Конечно, этот союз анархиста и партизана Махно с советской властью не мог быть прочным. При первой же бла-

гоприятной для Махно обстановке он должен был распасться.

Это произошло весной 1919 г. Стремясь сохранить культурные помещичьи хозяйства, которых на Украине было довольно много, и превратить их в хлебные фабрики, советская власть Украины издала декрет об организации на бывших помещичьих землях ряда крупных совхозов. На ряду с этим были предприняты шаги по собиранию инвентаря бывших помещичьих имений, разобранного крестьянами: «Уземотделы обязаны, — говорится в декрете, — принять меры к возвращению самовольно захваченного живого и мертвого инвентаря и прочего имущества бывших нетрудовых хозяйств. Особо важные меры принимаются уземотделами к возвращению племенного и рабочего скота и сложных машин и частей их (локомобилей, паровых плугов, молотилок, жаток, сеялок и веялок, механических граблей и т. п.).

Эти попытки организации совхозов и сбора расхищенного из бывших помещичьих экономий инвентаря натолкнулись тогда на резкое сопротивление со стороны крестьянства. Еще более обострилось настроение деревни после того, как декретом от 1 апреля на Украине была введена продразверстка, причем украинские товарищи не сумели поставить дело так, чтобы заинтересовать бедняков. Хотя декрет и освобождал бедняцкие хозяйства от продразверстки, хотя он и говорил об организации по деревням комитетов бедноты, которые должны были оказывать содействие продовольственным органам по изъятию хлебных излишков у кулаков, однако, за это содействие б е д н я к и н и ч е г о н е п о л у ч а л и — все собранные припасы отправлялись в город. Получалось такое положение, что если у кулака все же оставался паек, то беспосевная и малопосевная беднота не имела на месте даже и его. За своим пайком она должна была ехать в город.

Это и объединило украинскую деревню в недовольстве против советской власти. Воспользовавшись этим, Махно

идет на разрыв с советской властью. Он отказывается подчиняться приказам командования Красной армии и вскоре уходит со своими частями с фронта, тем самым открывая дорогу Деникину. Он уходит в тыл Красной армии, поднимая тем самым восстание против советской власти. Здесь он захватывает обозы, разоружает красноармейские части, захватывает склады оружия, уничтожает продовольственные отряды и расстреливает коммунистов.

Эта деятельность Махно обращает на себя внимание анархистов. В армии Махно они начинают теперь видеть силу, которая сможет свернут советскую власть и приступить к организации вольного анархического общества. Уже в июне к Махно прибывает группа анархистов из Киева во главе с видным анархистом Бароном. Съезжаются анархисты и из других городов юга.

В средних числах августа прибывают к Махно из Харькова набатовцы Волин, Готман и Аршинов. Волин избирается председателем реввоенсовета махновской армии, создается культпросвет во главе с анархистом Аршиновым. Анархисты создали и редактировали официальную махновскую газету «Путь к Свободе». Для рядовых партиган они издают «Голос Махновца».

В № 5 газеты «Путь к Свободе» от 7 октября 1919 г. Волин пишит: «Мы считаем, что раз начавшаяся третья крестьянская повстанческая революция сбросит всякую власть и выведет движение на широкую дорогу истинно-социалистического строительства, даст, наконец, всей революции решительный толчок к осуществлению ее конечной цели: свободное создание общественной жизни при помощи свободных снизу трудовых организаций — без партий, без организации, без управляющих, без власти».

Открытие фронта Деникину со стороны Махно, дезорганизация им своими нападениями тыла Красной армии заставили последнюю дрогнуть перед натиском Деникина. Красная армия начинает быстро откатываться к северу. Преследуя Красную армию, Деникин занимает и Украину.

С Деникиным возвращаются помещики, а также губернаторы, исправники и вообще старый царский административный и полицейский аппарат. Это вызывает новый взрыв повстанческого движения на Украине, направленного уже против Деникина. Симпатии трудового крестьянства и бедноты вновь начинают склоняться на сторону советской власти, растут большевистские настроения.

Махно вынужден обратить теперь свое оружие против Деникина. Он дезорганизует тыл белой армии. Деникин, занятый борьбой с Красной армией, которая начала вновь сильно теснить его, не мог выделить против Махно достаточно крупных отрядов. Это привело к тому, что вскоре махновцы очищают часть территории, оккупированной Деникиным. Эта территория, захваченная махновцами, занимала несколько уездов с городами: Верхнеднепровск, Кичкас, Никополь, Апостолов и Екатеринослав. На этой-то территории анархисты и делают попытку построить «безвластное» общество. Основные положения строительства вольного анархического общества на захваченной махновцами территории были выработаны на Александровском съезде советов крестьянских, рабочих и повстанческих депутатов в октябре 1919 г.

Здесь был поднят вопрос об организации в занятых махновцами местах «вольных советов. Эти вольные советы по мысли руководителей съезда анархистов создаются «для организованного налаживания новой хозяйственной и общественной жизни». Под вольными советами понимаются «Сельские комитеты или советы, всевозможные союзы, кооперативы, рудничные, фабричные и заводские комитеты, железнодорожные, почтово-телеграфные и другие организации». Эти организации создаются добровольно и входят между собой в добровольческое объединение, организуя для связи «экономические советы». Экономические советы являются только «совещательно-исполнительными органами, регулирующими живую хозяйственную деятельность на местах».

Большинству делегатов от крестьян и повстанцев эта идея понравилась.

Вольные советы как раз отвечали настроению кулака и крепкого середняка юго-степной полосы, которые за время империалистической, а затем и гражданской войны, с ее сменой различных властей, оторвались от экономической связи с городом и принуждены были перейти к натуральному хозяйству. Для такого крестьянина власть рисовалась лишь в виде посторонней силы, требующей налогов, производящей мобилизации людей и лошадей, производящей реквизицию пищевых продуктов. При этих условиях организация вольных советов означала для украинского кулака и крепкого середняка возможность замкнуться в свое натуральное хозяйство, отбросив от себя необходимость выполнения общегосударственных обязанностей и повинностей.

Однако и среди крестьянских депутатов этого съезда нашлись люди политически мыслящие. Они высказывали сомнение, можно ли будет жить при таких советах. Один крестьянин, например, определенно заявил: «Вы нам говорите, что советы могут организовать безвластие и что мы можем жить при таких советах... Как же будет безвластие? Если между двумя нашими селами стоит мост и если он поломается, то кто же будет исправлять? Так как ни наше село, ни другое не захочет его исправлять, а потому будет некому, так мы останемся без моста и не будем ездить в город».

Что же касается до делегатов от рабочих, бывших на съезде, то они хорошо понимали, что предложение анархистов создавать самостоятельные вольные организации на железных дорогах, заводах, рудниках и каменноугольных шахтах означало полное разрушение этих крупных предприятий и развал народного хозяйства. Поэтому вся рабочая делегация Александровского съезда единодушно высказалась против идеи «вольных» советов. Дело дошло до того, что делегация покинула съезд, так как анархисты не давали ей говорить.

У рабочих был уже и практический опыт, к нему приводят взгляды анархистов на деле. Еще летом 1919 г. Махно не пропускает к шахтерам Донбасса продовольствия из окружающего шахты Александровского уезда, требуя в обмен городские товары. Так как у рабочих шахт товаров, нужных крестьянину, не было, то рабочие голодали, и рудники закрывались. Явным издевательством звучит также резолюция Махно на просьбу железнодорожников Екатерининской дороги в районе Махновского «вольного общества» выдать им заработную плату. «В целях скорейшего восстановления нормального железнодорожного движения в освобождаемом нами районе,— пишет Махно,— а также исходя из принципа устроения свободной жизни самими рабочими и крестьянскими организациями и их объединениями, предлагаю товарищам железнодорожным рабочим и служащим энергично сорганизоваться и наладить самим движение, устанавливая для вознаграждения за свой труд достаточную плату с пассажиров и грузов, кроме военных, организуя свою кассу на товарищеских и справедливых началах и входя в самые тесные сношения с рабочими организациями, крестьянскими обществами и повстанческими частями». Так, во имя идеи «вольных организаций» рабочие остались без денег. В таком же положении находились и работники телеграфа на территории, занятой махновцами.

Надо отметить, что если Махно был вообще равнодушен к судьбам крупных промышленных предприятий — заводов, шахт и рудников, то к таким предприятиям, как железные дороги и телеграф Махно относился прямо отрицательно. Во время своих налетов махновские отряды с особым старанием разрушали в занятых ими городах и на железнодорожных станциях железнодорожное и телеграфное имущество, взрывая железнодорожные мосты, водокачки, уничтожая телеграфное и телефонное оборудование.

Рассказывают, что Махно однажды ответил железнодорожникам прямо:

— Устраивайтесь, как хотите, нам ваши железные дороги не нужны, мы ездим на тачанках.

И действительно, махновская партизанская армия почти не нуждалась в железных дорогах, предпочитая оперировать вдали от них, по проселочным путям. Также не нуждались они и в таких средствах связи, как телеграф. Телеграфные донесения заменялись у них конными вестовыми, передвигавшимися от отряда к отряду по тем же проселочным дорогам. Еще меньше нуждалась в поддержке крупных промышленных предприятий, в железных дорогах и телеграфе замкнувшаяся в своем хозяйстве деревня.

Таким образом, махновское строительство «новой вольной жизни» в занятом районе знаменовало собой разрушение всех крупных предприятий хозяйственного значения, распыление городов и восстановление крепкого крестьянского хозяйства с небольшими ремесленными артелями в придачу, вырабатывающими несложными орудиями несложные товары, нужные для замкнутого крестьянского хозяйства. Фактически анархисты строили здесь мелкобуржуазное хозяйство во главе с кулаком.

В своем отношении к крестьянству анархисты ярко выявили свое нежелание «признавать» классовое расслоение деревни, классовую борьбу бедноты с кулачеством. В декларации реввоенсовета повстанческой армии, составленной анархистами с Волиным во главе, выпущенной в сентябре 1919 г., говорится: «Необходимо не разъединение трудовой семьи на партии, враждующие между собой группы, а наоборот, теснейшая связь... между всеми трудящимися... Задача восстановления и необходимого быстрого усовершенствования нашего отсталого и разрушенного хозяйства требует, чтобы способы и пути нового землеустройства были предоставлены совершенно свободному естественному решению и движению всего крестьянства».

Но как же все-таки быть с кулачеством? Вопрос о кулаке декларация решает очень легко: дело надо предоставить

«свободному и естественному решению всего крестьянства», мы убеждены, — говорит декларация, — что при этом главном условии кулацкие элементы деревни будут быстро самим ходом вещей оттеснены к стороне». «Трудовое крестьянство само без труда справится с кулачеством, сперва перенимая у него лишнюю землю в пользу общества, а затем, естественно, втягивая кулацкие элементы в общественную организацию». Кулаки таким «убеждением» анархистов, конечно, не могли не быть довольны. И кулачество дружно поддерживало анархо-махновцев.

Как обстояло дело с организацией «вольных хозяйственных союзов» на территории, занятой Махно, мы уже знаем. Как же обстояло дело с организацией «свободной жизни» и свободной «народной армии»? Выступая во имя анархической свободы против структуры Красной армии, с ее централизацией и революционной дисциплиной, анархо-махновцы на деле пытаются строить свою армию по образцу Красной армии: у них имеются деления на полки и дивизии, у них имеются реввоенсовет и штаб, они организуют культпросвет. Махновские начальники — атаманы, сам «батько Махно» — фактически являются никем не ограниченными начальниками. Махно объявляет «добровольную мобилизацию, причем поясняет, что «добровольной» эта мобилизация называется потому, что сами крестьяне, рабочие и повстанцы решили мобилизовать себя, не дожидаясь, когда власть из центра пришлет свое распоряжение о мобилизации». Выходит, что мобилизации подлежат добровольно, но в обязательном порядке... Так жизнь заставила анархистов отступить от своей анархической теории.

Но и этого мало. Если отступление в вопросе об организации армии еще может быть объяснено потребностями боевых действий, хотя это-то как раз и отрицали анархисты в своей борьбе против организации Красной армии, то казалось бы в тылу, по отношению к гражданскому населению, анархисты должны были

неуклонно проводить в жизнь свою идею свободы личности от всякого принуждения. Однако во всех занятых махновцами городах и местечках они неуклонно проводят диктатуру «комендантов» над населением. Коменданты имеют в своих руках всю военную и гражданскую власть, единолично дают распоряжения, казнят и милуют.

Так на практике учение анархизма обнаружило свою полную несостоятельность во всех областях жизни.

6. РАЗЛОЖЕНИЕ МАХНОВЩИНЫ

Мы уже видели, что махновщина возникла как партизанское движение *всего крестьянства*, направленное против немецкой оккупации, скоропадовщины и петлюровщины. Мы знаем, что преобладание в махновских частях бедняков и середняков явилось причиной тех симпатий, которые питала основная масса махновских повстанцев к советской власти и Красной армии.

Мы видели, как весной 1919 г., среди украинского крестьянства начало развиваться недовольство и как это использовал Махно в своей борьбе с советской властью.

Последовавшие за восстанием Махно события — оккупация Украины Деникиным, возвращение помещиков и царских чиновников — «заставили бедняцко-середняцкую часть украинского села и махновской армии вновь с надеждой и доверием обратить свои взоры на советскую власть и Красную армию. Такое настроение как деревни, так и широких слоев партизанщины сильно способствовало успехам Красной армии, когда она, укрепившись, вновь перешла в наступление на Деникина. Красная армия с боем шла вперед, а за ней следом шла и советская власть. В начале 1920 г. советская власть на Украине была вновь восстановлена.

В этот свой третий приход советская власть 5 февраля 1920 г. издала декрет, в котором говорится: «все бывшие помещичьи, казенные, монастырские и удельные земли, конфискованные еще в прошлом году советской властью,

переходят без всякого выкупа в пользование всего трудового украинского народа и в первую очередь для удовлетворения нужд в земле безземельных и малоземельных крестьян и земледельческих рабочих... Все советские хозяйства, образовавшиеся в прошлом году из бывших помещичьих земель, переходят в непосредственное пользование безземельного и малоземельного крестьянства, за исключением тех участков, которые с ведома самих крестьян... должны оставаться для ведения образцовых советских хозяйств, опытных станций и т. д., где таковые необходимы будут для развития сельского хозяйства».

Как видно, декрет уже не преследует цели закрепления за государством той значительной площади, которая отходила год тому назад к совхозам, свекло-сахарным и винокуренным заводам, и носит определенно классовый характер — земли поступают в пользование безземельного и малоземельного крестьянства. Этим сразу вносилось в среду бедняков и середняков удовлетворение, это уже намечало линию раздела между бедняцко-середняцкой массой, с одной стороны, и кулачеством и примыкающим к нему крепким середняком — с другой.

Следующим шагом политики советской власти по классовому расслоению украинского села явилось проведение продовольственной политики. При проведении продразверстки в южных многоземельных губерниях 10% всего собранного продовольствия оставалось на местах. В губерниях же Черниговской, Киевской, Подольской и Волынской в волостные продовольственные фонды в пользу бедноты оставались 25%. Из этих волостных фондов беднота получала как хлеб, так и семена.

Таким образом, на этот раз деревенская беднота была непосредственно заинтересована в активной помощи советской власти в деле проведения ее продовольственной политики. И беднота дружно откликнулась на призыв советской власти к организации и вступила в борьбу с кулачеством. 19 марта 1920 г. был издан декрет об организации «коми-

тетов незаможных селян» — «комнезамов», а к ноябрю таких комитетов было уже организовано 9 600, т. е. уже не было волости, где бы комнезамов не существовало. Комнезамы охватили к этому времени около миллиона человек бедноты, не считая тех бедняцких слоев, которые группировались вокруг комнезамов.

Опираясь на поддержку советской власти, комнезамы приступили не только к энергичному проведению среди зажиточных слоев деревни продразверстки, но и к прямому раскулачиванию верхушки деревни. У кулаков отбирались не только излишки продовольствия и фуража, у них отбирался лишний скот, сельскохозяйственные машины и отрезались излишки земли. В деревне началась жестокая классовая борьба, махновская деревня раскололась.

Вначале кулацкие элементы пытались захватывать комнезамы в свои руки или непосредственно, или через своих ставленников из подкупленных бедняков и проводить в них свою политику. Однако вскоре деревенская беднота с помощью местных коммунистов и комсомольцев, а также органов советской власти выбила кулаков из комнезамов, превратив их в классовые организации бедноты.

Насколько остро разгорелась на Украине классовая борьба, показывает резолюция, принятая на первом съезде комнезамов Украины в декабре 1920 г: «комнезаможные должны одновременно нанести последний удар кулаку для установления действительной диктатуры незаможнего в деревне. Кулацкое хозяйство должно быть ликвидировано так же, как помещичье. Земля у кулака вся должна быть отобрана, его дом использован для общественных нужд, его мертвый инвентарь передан на прокатный пункт, его племенной скот сведен на случной пункт, а сам кулак должен быть изгнан из деревни, как помещик изгнан из своего поместья».

Классовая политика советской власти в украинской деревне привела к тому, что беднота начинает отходить от махновской армии. Особенно усилился этот отход бедноты

после амнистии всем бывшим бандитам, которая была предоставлена Всеукраинским съездом советов.

В этой развертывающейся классовой борьбе в деревне Махно становится на защиту кулаков. В первое время, когда кулакам удавалось подчинить своему руководству комнезамы, когда классовый характер этих организаций не был достаточно еще ясен для Махно, он отнесся к ним сочувственно. Вскоре, однако, он понял, в чем дело, и выступил против комнезамов. В оперативном приказе на имя одного из отрядов, подписанном Махно, говорится:

«В корне пресечь организацию и деятельность комнезамов и комсомола».

Председателю комитета незаможников села Доброволия Махно пишет:

«Рекомендую немедленно упразднить комитеты незаможних селян, ибо это есть грязь».

Вскоре Махно снова поднимает восстание против советской власти, вновь начинает дезорганизовывать тыл Красной армии, которая в то время ведет борьбу на два фронта — с Врангелем и белой Польшей. Каждый шаг Махно ознаменовывается грабежом, уничтожением и разрушением железных дорог, телеграфа и другого рода народного имущества. Отряды Махно вырезывают актив комнезамов, уничтожают работников Наркомпрода и коммунистов. Вот несколько данных о деятельности Махно, взятых из сводок штаба украинского фронта:

«18/VII 1920 г. Махно произвел налет на станцию Гришино, продержался три часа, расстрелял 14 захваченных работников советских и рабочих организаций, уничтожил телеграф и продовольственный склад железнодорожников.

16/VIII Захватив Миргород на полтора дня, махновцы разграбили все склады упродкома, уничтожили помещения советских и рабочих организаций, изрубили 15 телеграфных аппаратов, зверски убили 21 рабочего и красноармейца. В разграблении города анархо-махновцам помогали окружные кулаки, прибывшие из соседних сел на подводах».

Такими сведениями пестрят сводки штаба Украинского фронта. Ясно, что такая деятельность Махно должна была окончательно отколоть от него широкие слои деревенской бедноты. Вскоре, однако, от Махно начинают откалываться и середняки. Этому способствовала твердая политика советской власти по налаживанию нормального хода общественной и государственной жизни, что давало середняку возможность заняться восстановлением своего хозяйства. Земельная политика советской власти привела к тому, что средний надел крестьянского хозяйства на Украине заметно увеличился. Занятый восстановлением своего хозяйства на расширенной земельной площади, середняк не хотел больше гражданской войны. Это выразилось в повальном бегстве из махновских отрядов и середняцкого элемента. А это означало полное разложение махновщины. У Махно остаются сыновья кулаков, дезертиры Красной армии и всякого рода уголовно-бандитский элемент.

Разрушительная деятельность махновцев в тылу Красной армии наносит последней большой вред, Врангелю удается перейти в наступление и заставить красноармейские части откатиться назад. Район, только что освобожденный от деникинцев, благодаря деятельности Махно, оказался вновь занятым врангелевцами. Это не могло не восстановить против Махно широких слоев крестьянства. А, ведь, сочувствием крестьянства только и держался, только и был силен Махно. С целью вернуть конкретное сочувствие деревни Махно предлагает свои услуги советской власти в деле борьбы с Врангелем. В октябре 1920 г. махновский реввоенсовет с этим предложением обращается в Реввоенсовет Южного фронта. Командующий Южным фронтом тов. Фрунзе принимает предложение Махно, преследуя две цели — освободить тыл Красной армии от махновских отрядов, что поможет Красной армии быстрее сломить Врангеля, и для того, чтобы отколоть от Махно и те, уже незначительные слои середняков, которые еще сочувствовали Махно.

Соглашение состоялось. Армия Махно в соответствии с соглашением сохраняет свою внутреннюю организацию, но подчиняется командованию советской армии. Однако, фактически Махно не оказал никакой существенной помощи в нашей борьбе с Врангелем, а, пользуясь «перемирием» с советской властью, старался пополнить свою армию новыми отрядами из середняцкой части села. Свой грабеж нашего тыла махновские части также не прекратили. Учитывая все это, тов. Фрунзе 20 ноября отдает Махно приказ о передвижении на кавказский фронт. Не желая отрываться от своей базы — Гуляй-Польского района, Махно отказывается этот приказ выполнить. Тогда 24 ноября тов. Фрунзе приказывает махновскому реввоенсовету немедленно ввести все части армии Махно в состав 4-й армии. Вместо ответа Махно снова начинает враждебные действия против советской власти. Однако на этот раз Махно уже действовал среди полного несочувствия к нему со стороны трудящегося крестьянства. Фактически армии Махно уже не существовало — были отдельные отряды, которые занимались налетами и грабежами. И поскольку Махно потерял свою опору в крестьянстве, советской власти уже не составило большого труда ликвидировать махновщину и на этот раз уже окончательно. Сам Махно вместе с немногими сторонниками убежал за границу, а его отряды или разошлись по домам, или сохранились в виде мелких разбойничьих банд и были вскоре уничтожены.

Так изжила себя махновщина, а вместе с ней и анархизм, обнаруживший свою полную несостоятельность в деле организации новой жизни по анархическим идеалам, выявивший себя как идеология кулачества.

7. РАЗЛОЖЕНИЕ «ЕДИНОГО» АНАРХИЗМА

Если анархизм, опираясь на махновщину, и смог себя проявить как определенная сила, то сам по себе, вне связи с Махно, он обнаружил полнейшее бессилие. Никакой опо-

ры в рабочих массах и вообще среди трудящихся вне района деятельности Махно он не имел. Скрывшись после апреля 1918 г. от советской власти в подполье, «единый» анархизм разбился фактически на ряд мелких групп. Если он и проявлял себя время от времени, то только в виде экспроприаций и отдельных террористических актов. Анархисты грабят отделение Народного банка на Сухаревской площади, отделение того же банка на Таганской площади и на Дмитровке, они грабят кассу Центрального рабочего кооператива в Туле и т. д. Из террористических актов, направленных против советской власти и коммунистической партии, наиболее выдающимся является участие вместе с левыми эсерами во взрыве в Леонтьевском переулке 25 сентября 1919 г. В этот день главарь одной из групп анархистов подполья Москвы, приехавший с Украины, Петр Соболев и левый эсер Черепанов бросили бомбу во время заседания пропагандистов и агитаторов Московского Комитета ВКП(б), на котором присутствовал ряд видных партийных работников. Взрывом были убиты 12 человек и ранено 54. Большинство убитых и раненых — рабочие и работницы.

В первое время ни советская власть, ни широкие массы рабочих, возмущенные взрывом, не допускали и мысли, что это могли сделать левые эсеры и анархисты. Думали, что это дело рук белогвардейцев. Однако анархисты поспешили оповестить всех, что это их рук дело. В листовке, выпущенной по этому поводу, анархисты заявляют, что «за актом в Леонтьевском переулке последуют другие акты». Анархисты носятся с идеей взорвать Кремль. Для этого они начинают собирать пироксилин. Они начинают также подготовлять новое покушение на коммунистов к 7 ноября 1919 г. — ко дню второй годовщины советской власти. Однако Московской чрезвычайной комиссии удается раскрыть эту террористическую организацию, и она ликвидируется. После этого террористическая деятельность анархистов уже не возобновляется.

Бесплодие террористической борьбы с советской властью, полнейшая потеря связи с массами, позорный опыт строительства анархического общества руками махновцев, явная связь украинских анархистов с кулаками — ничему не научили анархистов. Правда, когда отряды Махно окончательно превратились в шайки грабителей, а явный конфуз строительства анархического общества с его вольными советами в районе, занятом Махно, стал очевиден, набатовцы на своей третьей конференции в сентябре 1920 г. принуждены были признать что: «современное крестьянское повстанчество ограничивается задачами разрушительного характера, не имея вполне усвоенных идей в области новых форм общежития... Конференция считает нужным подчеркнуть, что крестьянские восстания последнего времени не революция, а бунт и никаких изменений в общественных формах они не несут».

Казалось бы, из этого надо сделать определенные выводы — признать ошибочность своих взглядов, убедиться, что только советская власть является той силой, под руководством которой трудящиеся могут строить социализм. Однако конференция показала, что урок махновщины ничему не научил руководителей анархизма. По отношению к советской власти конференция продолжает стоять на старой позиции: «Советская власть, — говорится в резолюции конференции, — стала могильщиком революции», а потому «конференция «Набата» призывает всех анархистов и честных революционеров к решительной, непримиримой борьбе с советской властью».

В момент обостренной борьбы с Врангелем и Польшей, победа которых несла бы нашей стране реставрацию самодержавно-помещичьего строя, конференция принимает резолюцию, в которой говорится, что Красная армия не выполняет «революционного дела на внешнем фронте, а внутри страны является главным оплотом реакции», поэтому «отношение анархистов к Красной армии должно быть отрицательным».

Не менее отрицательно относится конференция и к работе не только в аппаратах советской власти, но и в таких организациях рабочего класса, как профсоюзы, фабрично-заводские комитеты и кооперация: «конференция предлагает товарищам бойкотировать всевозможные правления и советы, отдать свои силы рабочим низам, создавая нелегальные анархические группы на предприятиях, чтобы вызывать рабочих на сопротивление чиновникам рабочего государства». В фабзавкомах анархисты должны участвовать только с целью ведения анархической пропаганды, а не участия в их положительной работе. То же и в кооперации.

Таким образом, перед лицом позорно провалившегося опыта строительства анархического общества в районе, занятом Махно, конференция анархистов нашла возможным ограничить деятельность анархистов попрежнему исключительно разрушительными задачами по отношению к советской власти и рабочему государству вообще.

Последнее открытое выступление сторонников «единого анархизма» имело место на выборах в Московский совет в апреле 1921 г. Здесь анархисты попрежнему выступают непримиримыми врагами рабочего государства и советской власти, развивая свою старую идею «свободных советов». Они призывают к борьбе с диктатурой пролетариата и требуют «полной свободы» для всех, т. е. и для буржуазии.

Все это, в конце-концов, не могло не вызвать разложения и среди идейной части анархистов. Вот как описывает этот процесс в своем циркулярном письме № 5 исполнительное бюро анархистов-синдикалистов: «Движение распылено и неорганизованно. Нет единой организационной системы и формы. Нет единства в программе и тактике; дезорганизованность, разобщенность, одиночество создают упадочную психологию, психологию отчаяния, разочарования и бездействия». На этой почве и начинается разложение анархизма — одни впадают в уныние и «из революционеров делаются мещанами, другие, не выдержав

одиночества, шли к большевикам, третьи — влачили жалкое существование обывателя, четвертые, продолжая называть себя анархистами, выполняют работу РКП... и тем самым внесли в наши ряды разложение... пятые, пользуясь нашей неорганизованностью, занялись «созданием» новых анархических систем».

Еще летом 1918 г. небольшая группа московских идейных анархистов во главе с Гординым пытается построить анархическую организацию, которая признает необходимость диктатуры пролетариата и борьбы с белогвардейщиной. 25 ноября 1918 г. эта группа обращается с воззванием, которое призывает рабочие массы сплотиться вокруг советской власти для отпора Колчаку. Однако это выступление вызвало резкий отпор со стороны «единого анархизма».

В августе 1920 г. Гордин выступает с платформой, вокруг которой сплачивается група анархистов-универсалистов. Здесь анархизм, в лице Гордина, впервые ставит вопрос — «если можно применять неорганизованное насилие против отдельных буржуа, то почему против них нельзя применять организованного насилия?» Гордин отвечает на этот вопрос положительно и тем самым признает, что «вне диктатуры в переходный период не может быть перехода к анархии и свободе». Поэтому анархисты должны входить в советы как для борьбы с остатками капитализма, так и для участия в экономическом строительстве, в создании на месте разрушенного частновладельческого хозяйства нового хозяйства».

Говоря об анархическом идеале нового общества — «вольной федерации вольных общин», Гордин пишет, что если бы такой вольнообщинный строй осуществился, то этот «артельный общинно-коммунистический строй был бы хуже буржуазного строя, он весь насквозь пропитан мелкобуржуазным духом». Одновременно с этим Л. Гордин от имени «первого центрального социотехникума» подает на имя тов. Ленина заявление, в котором так характеризует

деятельность русских анархистов: «Старый анархизм солидаризировался с мешочниками, с кулаками и с полукулаками-крстьянами, с мелкособственниками... экспроприации и другие темные проделки прилипли к старому анархизму».

На платформе Гордина и оформляется группа анархистов-универсалистов. Они открывают в Москве клуб, выпускают ряд легальных анархистских изданий, завязывают связи с провинцией, пытаясь всячески организовать анархизм на этой новой платформе. Вскоре значительная часть анархистов объединяет во Всероссийскую секцию анархистов-универсалистов. Однако анархисты недолго удержались на этой платформе. Уже в конце декабря 1920 г. большинство универсалистов исключает из секретариата своей организации Гордина и всех его единомышленников, заявляя, что «Гордин и его группа окончательно выродились». Освободившись от Гордина универсалисты возвращаются на старые позиции.

В начале марта 1921 г. начался мятеж в Кронштадте. Этот кронштадтский мятеж выкинул кулацкий лозунг: «Советы — без большевиков». Как известно, белогвардейцы с Милюковым во главе обеими руками ухватились за этот лозунг и начали организовывать всяческую поддержку кронштадтским мятежникам. Анархо-универсалисты безоговорочно выступают на поддержку Кронштадта. В подпольном листке «Кому нужна братская кровь» они призывают красноармейцев, рабочих и крестьян с оружием в руках поддерживать кронштадтское восстание. В другом листке анархисты обращаются к крестьянству: «Раскачай свою родную дубину да ухни на обирающих тебя грабителей. Творите революцию... Долой власть».

Таким образом, попытка небольшой группы анархистов перевести анархизм на почву органической работы под руководством советской власти по строительству социалистического общества потерпела полное крушение. А это означало и окончательное крушение анархизма. После этого анархизм уже не возрождается.

8. АНАРХО-СИНДИКАЛИСТСКИЙ УКЛОН В ПРОФДВИЖЕНИИ И РЯДАХ ВКП(б) ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 г.

В царской России, как мы видели, анархо-синдикалистские течения в рядах русского рабочего класса не получили сколько-нибудь заметного развития. Одной из причин этого являлась напряженность политической борьбы пролетариата с царизмом. Своей героической борьбой с самодержавием, борьбой, носящей ярко выраженный политический характер, ведущейся под руководством политической партии рабочего класса — большевиков, передовые, классово сознательные слои пролетариата увлекали за собой на путь политической борьбы и более отсталые слои пролетариата, связанные с деревней и мелкой буржуазией города, не освободившиеся еще от мелкобуржуазной идеологии и настроений.

Эпоха империалистической войны произвела заметные изменения в соотношении различных прослоек пролетариата России. Мобилизация сняла с фабрик и заводов не мало классово сознательных пролетариев. Их места заняли рабочие, пришедшие непосредственно из деревень, и женщины, до того времени занимавшиеся домашним хозяйством и поступившие на фабрики и заводы в связи с мобилизацией их отцов и мужей. В течение 1915—17 гг. царское правительство систематически выхватывало с фабрик и заводов наиболее сознательные элементы, стоявшие во главе развертывающейся стачечной борьбы рабочих, и также отправляло их на фронт. Все это усилило в рабочем классе прослойку, подверженную мелкобуржуазным настроениям.

Это изменение состава пролетариата не могло не создать благоприятной почвы для анархо-синдикалистских настроений ко дню Февральской революции. Однако эти настроения не успели выявиться достаточно ясно и получить какое-либо идеологическое оформление в обстановке чуть не перманентного политического кризиса за все время существования Временного правительства, в обстановке подго-

товляющейся Октябрской революции. Мало того, эти настроения, поскольку они имелись в зародыше в профессиональных союзах, бурный рост которых происходил в эпоху от Февраля до Октября 1917 г., сливались с политической борьбой рабочего класса против господства буржуазии.

Так, когда Временное правительство подняло вопрос о государственном регулировании народного хозяйства в целях успешного продолжения империалистической войны и создало для этой цели ряд государственных хозяйственных органов и регулирующих центров («Совещание по обороне государства», «Совещание по топливу, распределению металла» и т. п.), эта идея государственного регулирования народного хозяйства не удовлетворила многие профессиональные союзы. Они правильно указывали, что буржуазия и бужуазное государство не может регулировать народное хозяйство и в частности промышленность в интересах трудящихся. Регулирование производства должно быть поручено рабочему классу. Это было совершенно правильной постановкой вопроса, из которого прямо вытекала необходимость свержения власти буржуазии, разрушения буржуазного государственного аппарата и строительства государства диктатуры пролетариата.

Эти задачи осуществила Октябрьская революция. В первые дни Октября, в период, когда пролетарское государство Советов фактически еще только начало складываться, молодая советская власть не терпящее дело организации хозяйственной жизни страны должна была возложить на плечи профессиональных союзов. Это нашло свое выражение в резолюции по докладу тов. Зиновьева на Первом Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 г.: «профессиональные союзы как классовая организация пролетариата, построенная по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил страны».

Эта задача, возложенная на профсоюзы советской властью, в тот момент была неизбежным этапом в деле подготовки советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата к выполнению своей основной функции — построения социалистического общества.

Тов. Сталин, анализируя основное содержание понятия диктатуры пролетариата, данное Лениным в ряде статей и речей, подчеркивает «три основные стороны диктатуры пролетариата:

1. Использование власти пролетариата для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения связи с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2. Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3. Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства».

Из этого ясно, что дело хозяйственного строительства социалистического общества есть основное непосредственное дело советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата. Однако в дни Октябрьского переворота и в первые месяцы после него в обстановке развертывающейся гражданской войны и нарастающего сопротивления буржуазии внутри страны советское государство прежде всего оформило те свои организации, которые имели целью непосредственное подавление сопротивления белогвардейцев и буржуазии вообще. Поэтому государственные органы по строительству социалистического хозяйства в то время не могли еще быть достаточно развиты. При этих условиях задача организации производства естественно легла на профсоюзы.

Профессиональные союзы в наших условиях являются составной частью пролетарской диктатуры. Однако непосредственным орудием диктатуры во всех формах ее проявления и в частности в области хозяйственного строительства являются хозяйственные органы государственной власти. Вполне естественно поэтому что, когда оформились и укрепились экономические органы советской власти, функции организации производств перешли к ВСНХ. Соответственно этому изменились и задачи профсоюзов. В области хозяйственной роль их свелась к задачам пополнения организаторами хозяйственных органов государства и к помощи госорганам преодолевать хозяйственные трудности. В то же время основной задачей профсоюзов стала работа по воспитанию рабочих, быть «школами коммунизма».

Подавляющее большинство руководящего состава профсоюзных организаций правильно поняло то соотношение, которое должно существовать в системе пролетарского государства с окрепшей государственной властью между государственными хозяйственными органами и профессиональными союзами. В этом духе и была принята на III съезде профсоюзов весной 1920 г. резолюция о задачах профсоюзов.

Однако среди деятелей профсоюзов оказался ряд товарищей, которые выступили против принятых решений, стали критиковать их с точки зрения явно синдикалистской. В конце 1920 г. и начале 1921 г. это течение оформилось в особый уклон в рядах ВКП(б), принявший название «рабочей оппозиции».

Синдикалистские уклоны среди верхов профсоюзных организаций выявились в своеобразной форме еще задолго до оформления «рабочей оппозиции». Особенно заметны они были в первые дни Октября среди почтово-телеграфных работников и отчасти железнодорожников. Как известно, в дни Октябрьской революции ЦК союзов почтово-телеграфных служащих и железнодорожников заняли по отно-

шению к советской власти позицию «нейтралитета», положение «независимых» организаций, которые «договаривались» с советской властью, выставляя свою «платформу». Этот «нейтралитет» на деле сводился к саботированию всех мероприятий и распоряжений советской власти, что являлось косвенной поддержкой (а иногда и прямой) белогвардейщины. Долго продолжаться это не могло, и уже в ноябре—декабре 1917 г. в недрах этих союзов образуются революционные группы, которые ставят своей задачей поддержку советской власти. Вскоре меньшевистско-эсеровские «исполкомы» этих союзов были разогнаны этими революционными организациями, и на их место до съездов встали ревкомы.

Вот среди этих-то ревкомов и возникло своеобразное синдикалистское течение. Это течение требовало, чтобы наркомы и члены коллегий этих наркоматов не назначались Совнаркомом, а только утверждались им из числа кандидатов, выделенных профсоюзами этих отраслей государственного хозяйства. Позднее это течение выдвинуло лозунг: «Власть комитетам». Это означало, что управление, напр., почтово-телеграфным ведомством, должно принадлежать профсоюзу почтово-телеграфных рабочих и служащих.

Вот как рисует содержание этого анархо-синдикалистского течения наркомпочтель того времени тов. Подбельский:

«Одновременно с созданием пролетарского профессионального союза почтово-телеграфных служащих народный комиссариат приступил к организации нового административного аппарата по управлению учреждениями ведомства, соответствующего принципам Советской республики. По этому вопросу Совнаркомом был принят специальный декрет «О формах управления почтельведомством», в основу которого был положен принцип революционно-социалистической системы управления ведомством в противовес принципам синдикализма, имеющего среди почтово-телеграфных служащих довольно значительное число приверженцев.

Идея синдикализма вылилась в этой среде в формулу: «Почтово-телеграфное ведомство управляется самими служащими в лице их комитетов». В противовес такому синдикалистическому принципу управления ведомством нами был выдвинут единственно правильный для Советской России принцип: «Почтово-телеграфное ведомство управляется Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов»... А это означало, что власть принадлежит государственной организации, которая совершенно независима в своей деятельности от профессиональной организации, хотя бы и стоящей на платформе поддержки советской власти. Назначаются и утверждаются органы управления советской властью, причем профсоюзы, как правило, выделяют своих работников в кандидаты».

Это течение не получило дальнейшего развития. «Истинно пролетарские слои почтово-телеграфных служащих,— пишет дальше Подбельский,—сразу поняли всю реакционную сущность своеобразного почтово-телеграфного синдикализма и в деле борьбы с ним пошли нога в ногу с народным комиссариатом. Первый Всероссийский пролетарский съезд почтово-телеграфных служащих большинством голосов коммунистов (большевиков) против левых социалистов-революционеров признал декрет Совнаркома о формах управления ведомством»...

Вновь эти синдикалистские настроения проявились, как указано выше, в лице «рабочей оппозиции» в начале 1921 г. и на этот раз уже в рядах большевиков.

Во время профсоюзной дискуссии 1921 г. лидеры «рабочей оппозиции»—тт. Шляпников, Медведев и Коллонтай—выступили с особой платформой о роли и значении профсоюзов в Советском государстве явно синдикалистского характера. Оппозиция недовольна решением III съезда профсоюзов. «В резолюции о задачах профсоюзов, принятой на III съезде — пишет т. Шляпников, — очень много говорится о правильности положений, принятых на обоих предыдущих съездах, но отсутствуют былые отчетливость, ясность и пер-

спективы. Вместо выпуклых задач, резолюция содержит ряд скромных пожеланий и рекомендаций союзам, как им держать себя по отношению к органам государственной власти». И тов. Шляпников жалуется на «утеснение» профсоюзов государственными органами: «за эти истекшие три года революции профессиональные рабочие союзы постепенно, но неуклонно и решительно вытеснялись органом, основание которому было положено союзами и рабочими комитетами. Имя ему — ВСНХ». И Шляпников предлагает произвести «некоторую революцию в области построений и взаимоотношений хозяйственных ведомств, а может быть... и некоторых изменений нашей советской конституции». Эти изменения должны заключаться в том, чтобы во главе промышленных отраслей поставить «производительные союзы, через которые и проводить хозяйственную политику».

Эту идею подмены лозунга «Власть советам» синдикалистским лозунгом «Власть комитетам» «рабочая оппозиция» ярко выявила в своих тезисах, представленных на X съезд партии, из которых основной гласил:

«Организация управления всем народным хозяйством принадлежит Всероссийскому съезду производителей, объединенных в производственные профессиональные союзы, который избирает центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики».

Поясняя это, тов. Шляпников ясно вскрывает синдикалистскую антисоветскую сущность своей позиции: избежать конфликтов при практической работе между ВСНХ и профсоюзами возможно «только путем или *уничтожения профессиональных производственных рабочих союзов, или уничтожения самодавления ВСНХ и подчинения его работы производственным рабочим организациям (курс. наш)*». И он вполне прав, когда добавляет, что здесь дело идет «*о проведении в жизнь двух исключающих друг друга начал (курс. наш)*» [1]). «Наша партия, — добавляет он, — практически

---

1 Ср. основные идеи анархо-синдикализма

должна вырешить вопрос о том, какими путями она будет проводить свою политику экономичоеского строительства: через рабочие организаций или по старому методу, усвоенному от буржуазной эпохи, через бюрократически построенные аппараты... Самая опасная сторона... заключается в фетишизме аппаратов государственной власти, в их стремлении рассматривать себя в качестве пупа земли»...

Таким образом, по взглядам рабочей оппозиции, строить социалистическое хозяйство страны через государственные хозяйственные органы — значит пользоваться «старым методом, усвоенным от буржуазной эпохи». Пролетарское государство не должно держать в своих руках функции руководства народным хозяйством страны.

Платфоома рабочей оппозиции на X съезде партии была подвергнута тов. Лениным самой резкой критике. Он охарактиризовал ее как анархо-синдикалистский уклон в рядах коммунистической партии.

В. И. Ленин в своей критике платформы «рабочей оппозиции» указывал прежде всего на то, что «рабочая оппозиция» не понимает марксистской постановки вопроса о диктатуре пролетариата и ее роли в строительстве социализма. Она не понимает, что задачей пролетарской диктатуры в деле строительства социализма является руководство всем народным хозяйством, включая сюда и мелкобуржуазный сектор крестьянского хозяйства. Она сосредоточивает свое внимание на вопросе о руководстве промышленности, забывая, что у нас существует не только промышленность. Из ее поля зрения совершенно выпадает крестьянское хозяйство. Между тем, задачей пролетариата является руководство не только промышленностью, но и сельским хозяйством, т. е. народным хозяйством в целом. Но и задачу руководства промышленностью «рабочая оппозиция» разрешает в антимарксистском духе. В то время как советы как общеклассовые органы диктатуры пролетариата имеют возможность руководить и промышленностью и сельским хозяйством в целом, вне влияния узко-

цеховых интересов отдельных слоев рабочего класса, по плану «рабочей оппозиции» управление производством передается рабочим организациям, разбитым по отдельным отраслям производства. Мало этого, постановка вопроса об управлении производством «рабочей оппозицией» логически приводит к упразднению партии пролетариата. «Синдикализм,—пишет Ленин,—передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности, уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению на *деле управления* в их руках *всем народным хозяйством*». *(Курсив Ленина.)* И, наконец, своим предложением передать руководство «Всероссийскому съезду производителей», в состав которых (производителей) входят и многомиллионные массы крестьян и кустарей, ведущих индивидуальное хозяйство, «рабочая оппозиция» широко открывает возможность влияния на хозяйственную политику страны мелкобуржуазной стихии.

X съезд партии, подвергнув внимательному разбору эти положения «рабочей оппозиции», признал их синдикалистским и анархистским уклоном. В принятой съездом резолюции говорится:

«За последние месяцы в рядах партии явно обнаружился синдикалистский и анархистский уклон, который требует самых решительных мер идейной борьбы, а также очистки и оздоровления партии.

Указанный уклон вызван отчасти вступлением в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое мировоззрение, главным же образом уклон этот вызван воздействием на пролетариат и на РКП (как тогда называлась ВКП(б) мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебание в сторону анархизма, особенно в моменты, когда положение масс резко ухудшилось вследствие неурожая и крайне разорительных последствий войны»...

Резолюция съезда достаточно ясно вскрывает антимарксистский характер основных положений платформы «рабочей оппозиции».

Идеи, лежащие в основе платформы «рабочей оппозиции», — говорит съезд, — «в корне неправильны теоретически, будучи полным разрывом с марксизмом и коммунизмом, а равно с итогами практического опыта всех полупролетарских и настоящей пролетарской революции.

Во-первых, понятие «производитель» объединяет пролетария с полупролетарием и с мелким товаропроизводителем, отступая, таким образом, в корне от основного понятия классовой борьбы и от основного требования точно различать классы.

Во-вторых, неправильная постановка вопроса об отношениях между партией и широкими беспартийными массами, приводящая к подчинению партии беспартийной стихии... является не менее коренным отступлением от марксизма.

Марксизм учит... что только политическая партия рабочего класса, т. е. коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который способен противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы, традициям и неизбежным рецидивам профессионалистской узости или профессиональных предрассудков среди пролетариата и руководить всеми сторонами пролетарского движения, а значит, и всеми трудящимися массами. Без этого диктатура пролетариата не мыслима. Неправильное понимание роли коммунистической партии в ее отношении к беспартийным рабочим массам, с одной стороны, столь же неправильное понимание роли рабочего класса в его отношении ко всей массе трудящихся—с другой, является коренным теоретическим отступлением от коммунизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма, каковой уклон пропитывает все воззрения «рабочей оппозиции».

И съезд не только признает необходимым неуклонную борьбу с этими анархо-синдикалистскими идеями, но и счи-

тает пропаганду этих идей не совместимой с принадлежностью к партии.

Анархо-синдикалистское течение «рабочей оппозиции» не получило сколько-нибудь заметного влияния на рабочий класс и на партийные массы. В дальнейшем это течение в своем развитии явно сблизилось с другим мелкобуржуазным течением, отражающим влияние на пролетариат той же мелкобуржуазной стихии,—с меньшевизмом, что особенно ярко выразилось в известном письме одного из лидеров «рабочей оппозиции», тов. Медведева, к бакинской группе его единомышленников в 1924 г.

В настоящее время «рабочая оппозиция» как уклон в рядах партии перестала существовать. Тт. Шляпников, Медведев и другие вожди «рабочей оппозиции» открыто признали свои ошибки и отказались от своих старых взглядов и фракционной деятельности.

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили практическую деятельность анархистов в России на протяжении почти 30 лет, вплоть до эпохи гражданской войны 1918—1920 гг., когда анархизм вылился в широкое движение и получил возможность практического строительства своего общественного идеала на Украине.

Анархизм в России как течение, опирающееся до известной степени на низы, зародился перед революцией 1905 г. Наибольшего расцвета он достигает в эпоху поражения революции 1905—1906 гг., после чего быстро сходит на-нет и вновь возрождается только после Февральской революции 1917 г. Однако до начала 1918 г. анархизм широкого влияния не получает.

В эпоху строительства пролетарского государства и начавшегося строительства социализма, в эпоху жестокой гражданской войны анархизм получает социальную опору в известных слоях населения и расцветает вновь. Он начинает вести активную борьбу на два фронта — и против белых и против красных.

Позиция анархизма эпохи гражданской войны объективно ставит его во враждебное отношение чаще к красным, чем к белым. С победой советской власти над белогвардейскими бандами анархизм вступает с ней в непосредственную борьбу, быстро терпит поражение и начинает окончательно разлагаться с тем, чтобы больше уже не воскреснуть. История анархизма, его взлеты и разложение в процессе русских революций самым тесным образом свя-

заны с теми социальными слоями, на которые анархизм фактически опирался.

Когда-то Энгельс очень остроумно заметил, что анархист — это «взбесившийся буржуа». Как бы ни прикрывали себя анархисты флагом коммунизма, по существу *их основная характерная черта — индивидуализм,* «полная свобода личности» является чертой, чуждой промышленному пролетариату. Это — характернейшее настроение мелкого буржуа.

Социальный состав группы коммунистического анархизма порой был крайне пестр. В ряды анархистов шла молодежь средних учебных заведений, т. е. молодежь из среды мелкобуржуазной интеллигенции. К анархистам шел мелкий ремесленник, рабочий мелких кустарных и ремесленных мастерских. К анархистам шел рабочий крупной фабрики или завода, недавно пришедший из деревни. Анархизму склонен был сочувствовать и деревенский кулак, которого эксплоатировал торговый капитал города. Анархизму сочувствовал городской босяк, ненавидящий современный строй, выбросивший его на дно жизни. Наконец ряды анархизма пополнял авантюрист большого города, который видел цель жизни в прожигании ее, но который на это не имел достаточно средств.

В различные периоды своего существования русский анархизм черпал основной людской состав своих организаций то в одном, то в другом из перечисленных выше социальных слоев. Так, в период перед 1905 годом первые анархические организации в России сложились в Нежине среди молодежи средних учебных заведний, т. е. в среде юношей из среды мелкобуржуазной интеллигенции, а в Белостоке — среди еврейской ремесленной молодежи.

В революцию 1905—1906 гг. анархические организации пополнялись не только ремесленной и учащейся молодежью, но и рабочими фабрик и заводов; это были малокультурные, но боевые натуры, ненаводящие буржуазно-капиталистический строй. Как типичный пример такого рабочего анархи-

ста-боевика анархический журнал «Буревестник» приводит екатеринославского рабочего Федосия Зубаря. Про него журнал говорит, что он *«ни одной книги не прочел, но в душе — анархист»*, он ненавидит всякую власть *«до боевого стачечного комитета включительно»*. Наконец в эту эпоху в ряды анархистов пошли такие разложившиеся и деклассированные элементы большого города, которых мы теперь называем хулиганами. Хулиган выходил из всех слоев населения, но в первую очередь из рядов мелкобуржуазной интеллигенции и тех слоев рабочего класса, которые еще недавно пришли на фабрику или завод из деревни или из рядов разоряющегося городского мещанства и не усвоили еще пролетарской психологии. Этот элемент склонен к «форсу» своей храбростью, он склонен к риску и вместе с тем хочет «пожить», «кутнуть», вообще, как говорится, «прожигать жизнь». Анархическая теория, а главное тактика вооруженных ограблений и «безмотивного» террора были для этих элементов очень привлекательны. К тому же удачный «налет», хорошая экспроприация передавали в их руки часто значительные денежные суммы. Из среды этого слоя и выходили, главным образом, налетчики. Наконец ряды анархизма пополнял и прямо уголовный элемент, чем анархисты очень гордилась. Так, белостоцкие анархисты с гордостью сообщали, что им удалось превратить в анархиста профессионального вора Шпиндлера.

В эпоху распада революции в ряды анархистов вливаются озлобленные неудачей политической борьбы 1905 г. и начавшейся безработицей отдельные группы рабочих, а также оторвавшиеся от масс члены распущенных к тому времени социал-демократических и эсеровских боевых дружин. Прывыкнув к боевой деятельности, эти элементы часто не хотели возвращаться вновь к будничной работе среди масс и шли в боевые организации анархистов.

Все эти разнородные элементы объединяла ненависть к капиталистическому строю, проповедь полной свободы личности и возможность террористической и экспроприатор-

ской деятельности. Когда в эпоху реакции условия изменились, анархические организации начали разлагаться и распадаться.

После Октябрьской революции анархизм попрежнему собирает в свои организации авантюристско-хулиганские элементы, прельщаемые возможностью, пока еще советская власть недостаточно окрепла, грабить и экспроприировать в своих интересах «буржуев». Эти элементы с укреплением советской власти и с насаждением трудовой дисциплины должны были стать на путь борьбы с советской властью. В период гражданской войны они нашли себе союзника — кулацкие элементы деревни Украины и юга России — в лице махновщины.

Один из исследователей анархизма так говорит о социальных корнях махновщины, которая, как мы видели, являлась социальной базой анархизма эпохи гражданской войны: «Махновщина явилась политическим и экономическим порождением украинской деревни, потерявшей за время войны политическую и экономическую связь с городом и хозяйственно замкнувшейся в себя.

По мере обострения гражданской войны на Украине, по мере смены советской власти радой, рады—гетманом и немецкой оккупацией, немецкой оккупации — французской, белооккупационной власти — советской властью, советской власти — атаманщиной и деникинщиной, по мере роста разрушения городов, по мере остановки фабрик, заводов, железных дорог и шахт село все больше замыкалось в скорлупу натурального потребительского хозяйства... в его зажиточных элементах все больше расцветала идеология безначалия...» Эти-то кулацкие элементы украинской деревни и явились основным социальным слоем, на который опирался анархизм в своей вооруженной борьбе с советской властью.

Таким образом, анархизм в России в результате своей эволюции превратился в течение, враждебное рабочему классу, отражающее интересы крестьянской буржуазии,

мелкой городской буржуазии и деклассированных хулиганско-уголовных элементов города.

Свое мелкобуржуазное нутро анархизм в России вскрыл полностью. Вместе с тем он обнаружил на практике полную негодность для жизни своего социального идеала — «свободного анархо-коммунистического общества».

Но если анархизм, как самостоятельное течение сошел со сцены и уже не может возродиться, то это еще не значит, что в тот или иной период социалистического строительства нашей страны исключена возможность возрождения анархо-синдикалистских настроений и «уклонов» в рядах рабочего класса.

Как мы видели выше, X съезд партии, указал, что уклон «рабочей оппозиции» вызван воздействием на пролетариат и на партию мелкобуржуазной стихии, влияние которой «неизбежно порождает колебания в сторону анархизма, «в момент тех или иных трудностей, переживаемых страной». Однако возрождение анархо-синдикалистских настроений может иметь место не только в «моменты, когда положение масс резко ухудшилось», что имело место в эпоху зарождения «рабочей оппозиции», но и в моменты наибольшего обострения трудностей социалистического строительства. В настоящий момент мы как раз и переживаем эти трудности роста социалистической реконструкции нашего хозяйства.

Развертывание промышленности по пятилетнему плану вызывает прилив на наши фабрики и заводы новых слоев рабочих, приходящих из деревень. Ежегодно в ряды пролетариата вливаются кадры молодежи, не успевшие еще усвоить полностью классовое пролетарское мировоззрение и пропитаться коммунистическими настроениями. Все это временно усиливает неоднородность пролетариата и облегчает влияние мелкобуржуазной стихии на эти слои рабочих. Трудности реконструктивного периода, когда основную массу ценностей государство бросает на производство средств производства, на развертывание тяжелой индустрии,

когда благодаря этому относительно отстает производство предметов широкого обывательского потребления и страна чувствует некоторые затруднения в этой области, когда благодаря обострению классовой борьбы в деревне и ликвидации кулачества как класса мелкобуржуазная крестьянская стихия ответила временным сокращением производства товарной продукции сельского хозяйства, — об'ективно могут явиться почвой, на которой возможен рецидив анархосиндикалистских настроений в отдельных прослойках рабочего класса.

Партии и широким слоям классовосознательных рабочих необходимо зорко следить и резко вскрывать эти настроения в случае их появления. Надо указывать, что эти настроения объективно помогают нашим классовым врагам. Они усиливают трудности переживаемого момента, неизбежно связанные с тем гигантским продвижением вперед по пути строительства социализма, которое намечено пятилетним планом и контрольными цифрами второго года пятилетки, так как в конечном счете размагничивают волю рабочего класса в его борьбе за социалистическую реконструкцию СССР и питают пассивное отношение к трудностям построения социализма в нашей стране.

УКАЗАТЕЛЬ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО АНАРХИЗМУ:

Плеханов, **Анархизм и социализм.**

В. Базаров, **Анархический коммунизм и марксизм. Анархисты, максималисты и махаевцы.**

Его же, **Анархизм, ст. в «Большой сов. энциклопедии», том II.**

Кубанин, **Махновщина.**

Яковлев, **Русский анархизм в великой русской революции.**

«Платформа Шляпникова и Медведева», изд. «Моск. Рабочий» 1927 г.

СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК

Авантюра — приключение, темное предприятие; авантюрист — искатель приключений, легкой наживы.

Авторитарный — основанный на авторитете, т. е. таком влиянии, которому подчиняются и доверяются беспрекословно.

Брестский мир — мир с Германией, заключенный советской властью весной 1918 г. Этот мир был очень тяжел и невыгоден для России, но его необходимо было заключить, чтобы воспользоваться хоть малейшей передышкой для укрепления Советской республики и создания Красной армии. После германской революции в ноябре 1918 г. Брестский договор был уничтожен.

Дискредитировать — лишить всякого доверия, уважения.

Департамент Сены и Уазы — округ, в котором находится город Париж; департаменты во Франции соответствуют старым русским губерниям.

Деклассированный — человек, выброшенный из того класса, к которому принадлежал, потерявший классовую психологию своего прежнего класса.

Интенсивное хозяйство — хозяйство, имеющее высокую технику, употребляющее машины, удобрение, многополье и т. д.

Контраст — резкое различие, противоположность.

Конфедерация — союз.

Локаут — стачка капиталистов против рабочих, закрытие заводов с целью «проучить» рабочих голодом.

«Народная Воля» — партия революционного народничества, первая из народнических партий определенно вставшая на путь политической борьбы, казнившая 1 марта (ст. ст.) 1881 г. царя Александра II. Распалась в 80-х годах. На смену ей пришел марксизм, социал-демократия.

Натуральное хозяйство — хозяйство, которое стремится производить само все, нужное для себя; продуктов на продажу почти не производит.

Оккупация — занятие войсками неприятельской территории.

Петлюра — бывший украинский меньшевик. Стоял во главе правительства украинской рады (см. Центральная рада). Во время брестских переговоров советской власти с немцами пригласил немецкие войска занять Украину для свержения советской власти. Скоро был низложен немцами, которые на его место выдвинули Скоропадского. После ухода немцев с Украины боролся против советской власти с целью удержать власть за радой. Эмигрировал за границу, где и был убит в 1926 г.

Платформа — изложение своих взглядов, практических предложений и требований какой-нибудь организацией, группой или партией.

Реставрация — восстановление старого порядка.

Реквизиция — отобрание властью имущества у отдельных граждан.

Скоропадский — всеукраинский гетман, царский генерал, в 1918 г. при поддержке немцев захватил власть на Украине. Опирался на крупных кулаков и помещиков. После ухода немецких войск с Украины был свергнут петлюровцами, которые в свою очередь были свергнуты советской властью. В настоящее время в эмиграции.

Структура — строение чего-либо, устройство (общества, учреждения и т. д.).

Синоним — однозначащее слово, слова, означающие одно и то же.

Тачанка — телега, поставленная на рессоры. На таких тачанках Махно перевозил свою пехоту, на них он устанавливал свои пулеметы. Это позволяло Махно быстро перебрасывать свои части на большие расстояния, появляться неожиданно, где не ждут, и быстро исчезать.

Уравнительно-трудовая норма — наделение крестьян землей в таком количестве, какое может обработать каждая семья своими силами; выгодно для кулацкой части крестьянства, владеющего машинами и хорошим рабочим скотом.

Утопист — человек, увлекающийся несбыточными планами, мечтатель.

Фонд — запасный капитал, запасы вообще.

Центральная рада — буржуазное правительство на Украине, образованное в момент Октябрьской революции. Вступила в борьбу с советской властью, пригласила немецкие войска на Украину. Была свергнута немцами и заменена правительством Скоропадского. После ухода немцев опять было захватила власть у Скоропадского, но вскоре свергнута советской властью.

Эгоизм — себялюбие, эгоист — человек, для которого его личные желания стоят выше всего.

Экспроприация — принудительное обращение частной собственности в государственную. Анархисты называли этим словом грабеж в пользу своей организации или своих личных интересов как государственных, так и частных капиталов.

Эксцесс — резкое проявление какого-либо излишества, резкая буйная выходка.

Экстенсивное хозяйство — хозяйство, которое ведется без удобрения, без сложных систем полеводства.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Анархизм и коммунизм (программные положения анархизма) 3
2. Русский анархизм до революции 1917 г. (основные течения и тактика) 17
3. Анархисты перед Октябрьской революцией 30
4. Анархизм в эпоху Октябрьской революции 32
5. Анархизм и махновщина 38
6. Разложение махновщины 48
7. Разложение «единого» анархизма 53
8. Анархо-синдикалистский уклон в профдвижении и в рядах ВКП(б) после Октября 1917 г. 59
Заключение 70
Словарь-справочник 77

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

50 коп.

34027

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

МОСКВА, Новая площадь, 6. ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, 66. ХАРЬКОВ, Горяиновский пер., Дворец труда, пом. 15. РОСТОВ н/ДОНУ, ул. Фр. Энгельса, 102. КИЕВ, ул. Воровского, 25, пассаж, 33. СВЕРДЛОВСК, ул. Малышева, 62. ТАШКЕНТ, ул. Карла Маркса, 28. ВОРОНЕЖ, пр. Революции, 20. САМАРА, Ленинградская, 37. САРАТОВ, улица Республики, 17. Н.-НОВГОРОД, ул. Свердлова, 8. ИВ.-ВОЗНЕСЕНСК, Социалистическая, 6.